

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

А. М. Багмет,
кандидат юридических наук,
Институт повышения квалификации
Следственного комитета Российской
Федерации, г. Москва

К ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ СОПРОТИВЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВЛАСТИ УЧАСТНИКОВ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

TO THE QUESTION OF ARMED RESISTANCE TO THE AUTHORITIES OF THE RIOTS

В статье раскрывается понятие «оказание вооруженного сопротивления представителю власти» как признак массовых беспорядков, а также понятие «представитель власти» и «вооруженное сопротивление» применительно к массовым беспорядкам, формулируется необходимость расширения данного признака.

This article expands the concept of "provision of armed resistance to a representative of the authorities", as a sign of the riots, as well as the notion of "authority" and "armed resistance" applies to crowd control, is the need to expand the topic.

Законодателем в качестве одного из признаков массовых беспорядков определено «оказание вооруженного сопротивления представителю власти» (ст. 212 УК РФ).

В соответствии с действующим законодательством под оказанием вооруженного сопротивления представителю власти понимается неподчинение данному лицу и активное воспрепятствование выполнению им своих должностных обязанностей по восстановлению порядка и пресечению массовых беспорядков путем применения или угрозы применения оружия.

Содержание понятия «представитель власти» раскрыто в примечании к ст. 318 УК РФ, где им признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 10 февраля 2000 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» даёт развёрнутое определение представителей власти, к которым «следует относить лиц, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных или контролирующих органов, наделённых в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями независимо от их ведомственной подчинённости».

В примечании 1 к ст. 285 УК РФ указываются и такие специальные субъекты, как воинские должностные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие соот-

ветствующие функции в Вооружённых Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» под военной службой понимается особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, в Вооружённых Силах РФ и во внутренних войсках МВД России, в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Службе внешней разведки РФ, органах Федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти РФ, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формирований.

Представителями власти являются не все должностные лица, а только те, которые наделены в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости. Для признания лица представителем власти необходимо занятие им по результатам выборов, назначению или иным законным путем должности в органах законодательной исполнительной, судебной власти или местного самоуправления.

Не являются таковыми представители общест-венности, выполняющие обязанности по охране общественного порядка или контрольные функции (например, общественные контролеры, дружинники, общественные инспекторы ГИБДД). Закон понимает под представителями власти только должностных лиц, входящих в аппарат органов власти [12. — С. 653].

Как видим, рассматриваемая категория пред-ставителей власти определена нормативными актами, хотя учеными расширяется этот ряд. Например, в комментарии к УК РФ под редакци-ей В.В. Мозякова к ним добавляются и лиц, участ-вующих в восстановлении порядка [5. — С. 912].

Среди правоохранительных органов функци-ями пресечения массовых беспорядков наделены органы внутренних дел:

- полиция;
- сотрудники других подразделений и служб МВД России в случае привлечения их к охране общественного порядка и обеспечению обще-ственной безопасности;
- внутренние войска.

Кроме того, в пресечении массовых беспор-ядков могут участвовать сотрудники Федераль-

ной службы безопасности (ФСБ) и Федеральной службы охраны (ФСО).

Военнослужащие могут быть потерпевшими от рассматриваемых преступных деяний только в случае выполнения ими деятельности по охране общественного порядка и обеспечения обще-ственной безопасности.

Тем не менее, если представители власти определены нормативными актами, то отноше-ние к понятию «вооруженное сопротивление» у ученых неоднозначно.

Например, в комментарии к УК РФ под редак-цией А.Г. Королькова под оказанием вооруженного сопротивления представителю власти понимается неподчинение данному лицу и воспрепятствование выполнению им своих должностных обязанностей путем применения огнестрельного, холодного (в том числе метательного), пневматического и газо-вого оружия [2. — С. 1120].

В комментарии к УК РФ под редакцией В.И. Радченко и в учебном пособии А.В. Шеслера и С.М. Малькова под этим понимается воспрепят-ствование представителю власти участниками массовых беспорядков путем применения или угрозы применения огнестрельного или холод-ного оружия [3. — С. 862; 14. — С. 30].

В комментарии к УК РФ под редакцией В.И. Радченко это понятие расшифровывается как сопротивление представителю власти в выпол-нении возложенных на него функций путем при-менения или угрозы применения огнестрельного, холодного или газового оружия [4. — С. 824].

В комментарии к УК РФ под редакцией В.В. Мозякова под этим понимается неподчи-нение представителям власти и лицам, участ-вующим в восстановлении порядка, воспрепят-ствование в выполнении ими своих обязанно-стей с использованием огнестрельного оружия [5. — С. 912].

В комментарии к УК РФ под редакцией Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева это означает воспре-пятствование осуществлению органами власти своих функций путем использования оружия участником массовых беспорядков. Это может выражаться в угрозах его применения, выстрелах на поражение, вверх и других манипуляциях, направленных на устрашение представителей власти [6. — С. 896].

В.И. Ткаченко расшифровывает это понятие как действие, состоящее в противодействии власти, заключающееся в разгоне представителей власти, лишении их возможности выполнять надлежащие функции [13. — С. 257].

А.Н. Игнатов утверждает, что вооруженное сопротивление представителям власти означает непосредственное применение огнестрельного или холодного оружия или угрозу применения оружия, адресованную представителям власти, с целью помешать им в восстановлении порядка, пресечении массовых беспорядков [1. — С. 428].

В.В. Коряковцев и К.В. Питулько уверены, что это активное воспрепятствование подавлению массовых беспорядков путем применения оружия к сотрудникам правоохранительных органов и должностным лицам органов власти или местного самоуправления [7. — С. 499—500].

По мнению С.В. Кудрявцева, под этим понимается воспрепятствование толпы представителю власти в выполнении возложенных на него функций путем применения или угрозы применения огнестрельного, холодного или иного оружия [9. — С. 243].

С точки зрения А.И. Рарога, это означает активное противодействие участником массовых беспорядков представителю власти (сотруднику полиции, военнослужащему и т.п.) путем применения или угрозы применения оружия (огнестрельного или холодного) при выполнении возложенных на него обязанностей [12. — С. 487].

А. Соловьев уверен, что состав преступления образует использование против представителей власти любого оружия, подпадающего под положения Федерального закона РФ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии». При этом он делает акцент на том, что понятие «вооруженное сопротивление» не подлежит расширительному толкованию и применение предметов, используемых в качестве оружия, не может расцениваться как вооруженное сопротивление [10. — С. 48].

Обобщая мнения ученых, можно выделить следующие расхождения в толковании данного признака:

- к представителям власти, прямо указанным в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ, добавляются «лица, участвующие в восстановлении порядка»;
- под оказанием вооруженного сопротивления понимается или применение, или использование оружия, причем все ученые сходятся только в наличии огнестрельного оружия;
- в качестве цели сопротивления представителю власти рассматривается или неподчинение данному лицу, или воспрепятствование выполнению им своих должностных обязанностей.

Проанализируем обобщение.

Во-первых, на мой взгляд, законодателями недостаточно точно определен круг лиц, пресекающих беспорядки, к которым отнесены представители власти. Напомним, что нормативными актами к представителям власти отнесены лица, осуществляющие законодательную, исполнительную или судебную власть, а также работники государственных, надзорных или контролирующих органов.

Действительно, поддержание общественного порядка и защита общественной безопасности возложена на сотрудников МВД России, при этом, в исключительных случаях, например при чрезвычайных ситуациях, к которым и относятся массовые беспорядки, возможна помощь и военнослужащих. Однако даже гипотетически невоз-

можно представить, чтобы разгоном бесчинствующей толпы занимались судьи, работники налоговых и таможенных органов, состоящие на государственной службе аудиторы, государственные инспекторы и контролеры. А как же тогда квалифицировать деяния лиц, оказывающих сопротивление, даже вооруженное, отдельным гражданам, добровольно и бескорыстно оказывающим содействие представителям власти в пресечении беспорядков, или дружинникам, о возрождении которых в последнее время говорится все чаще?

Тем самым, на мой взгляд, состав массовых беспорядков должен предусматривать оказание сопротивления не только представителям власти, но и иным лицам, пресекающим рассматриваемое общественно опасное деяние.

Во-вторых, с моей точки зрения, использование термина «вооруженное сопротивление» в данном составе преступления не совсем корректно. Например, не совсем понятна роль оружия — оно должно применяться или использоваться, то есть не ясен момент перехода указанных деяний в признак массовых беспорядков — когда стреляют в представителей власти или когда оружие замечено у подходящей к сотрудникам полиции толпе. А как квалифицировать действия лица, наносящего удары сотруднику полиции, требующему разойтись, обрезком арматуры, который не является оружием, или просто ударившего его рукой? Представителю власти, выполняющему свои служебные обязанности по пресечению беспорядков, оказывается сопротивление, но если оно не вооруженное, в соответствии с действующим законодательством, оно не является таковым. Это нонсенс. Возможно, при включении этого признака в состав массовых беспорядков учитывались беспорядки, проходившие на националистической почве в бывших советских республиках, однако в настоящее время не менее опасны футбольные фанаты, которые при совершении рассматриваемого общественно опасного деяния вооружены камнями, палками, обрезками арматуры, цепями, горлышками стеклянных бутылок и т.п.

В связи с этим, по моему мнению, признаком массовых беспорядков должно быть любое сопротивление лицам, их пресекающим. То есть сопротивление этим лицам может выражаться не только в применении или использовании в отношении них любого оружия (огнестрельного, холодного, в том числе метательного, пневматического и газового), взрывчатых веществ, взрывных и поджигающих устройств, а также предметов, используемых в качестве оружия, но и в любом физическом воздействии (нанесение ударов руками и ногами, толкание, срывание погон или знаков отличия, вырывание оружия или спецсредств и т.п.). Причем нанесение этим лицам побоев, причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью, а также причине-

ние тяжкого вреда здоровью без отягчающих обстоятельств должно охватываться составом массовых беспорядков, то есть без квалификации по совокупности преступлений.

В-третьих, неоднозначное толкование учеными целей сопротивления толпы лицам, пресекающим беспорядки, вообще вызывает недоумение. Например, озвученный термин «неподчинение», по моему мнению, соотносится с понятием «неповиновение» и исключает квалификацию по сопротивлению. Другими словами, как можно отнести действия толпы к сопротивлению, если все ее участники, увидев сотрудников полиции, молча стоят и не совершают никаких противоправных деяний?

Под неповиновением понимается «отказ подчиниться чьим-нибудь приказам» [8. — С. 359, 467], а неподчинение означает отказ повиноваться кому-нибудь [8. — С. 246]. Сопротивление же означает противодействие, то есть действие, препятствующее другому действию [8. — С. 555; 11. — С. 274, 327].

Еще более странным кажется условие вменения этого признака, когда представители власти будут разогнаны толпой.

Мы солидарны с учеными, которые придерживаются мнения, что сопротивление толпы заключается в оказании воздействия на лиц, исполняющих обязанности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности или пресекающих массовые беспорядки.

Таким образом, рассматриваемый признак необходимо изложить в следующей редакции: «оказание сопротивления представителю власти либо иному лицу, пресекающему беспорядки». Под сопротивлением должно рассматриваться любое противодействие — физическое, вооруженное, с помощью предметов, используемых в качестве оружия, — этим лицам в пресечении беспорядков или задержании ими их организаторов и участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. Т. 2: Особенная часть. — М., 2002. — С. 428.
2. Комментарий к УК РФ / под ред. А.Г. Королькова. — М., 2004.
3. Комментарий к УК РФ / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. — М., 2000.
4. Комментарий к УК РФ / под ред. А.В. Наумова. — М., 1996.
5. Комментарий к УК РФ: расширенный уголовно-правовой анализ / под ред. В.В. Мозякова. — М., 2004.
6. Комментарий к УК РФ / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. — М., 2000.
7. Коряковцев В.В., Питулько К.В. Комментарий к УК РФ. — СПб., 2004.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1984.
9. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. — М., 1997.
10. Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. — 2000. — № 7.
11. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. — М., 1998.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. — М., 2004.
13. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. — М., 1996.
14. Шеслер А.В., Мальков С.М. Преступления против общественной безопасности: учебное пособие. — Красноярск, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Багмет Анатолий Михайлович. Директор Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации. Кандидат юридических наук.

Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации.

E-mail: bychkov.vasilii@mail.ru

Россия, 107140, г. Москва, 3-й Красносельский пер., д. 21, стр. 1. Тел. 8-968-719-7777.

Bagmet Anatoly Mikchailovich. Head of Institute of Qualification Rise. Candidate of law.

Institute of Qualification Improvement at Crime Investigation Committee of Russian Federation.

Work address: Russia, 107140, Moscow, 3d Krasnoselskii lane, 21, building 1. Tel. 8-968-719-7777.

Ключевые слова: массовые беспорядки; вооруженное сопротивление; представитель власти; сопротивление представителю власти.

Key words: riots; armed resistance; authority; resistance to a representative of the authorities.

УДК 343.34

В.А. Мещеряков,
*доктор юридических наук, профессор,
Департамент связи и массовых комму-
никаций Воронежской области*

В.В. Трухачев,
*доктор юридических наук, профессор,
Воронежский государственный
университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ОСНОВЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

THE EVIDENCE FORMATION ON THE BASIS OF ELECTRONIC DIGITAL INFORMATION

Статья посвящена уголовно-процессуальным аспектам формирования доказательств на основе электронной цифровой информации.

The article deals with criminal and procedural aspects of the evidence formation on the basis of electronic digital information.

Микропроцессоры и различные технические устройства, построенные на их основе, так плотно вошли в действительность, что сегодня трудно представить нашу жизнь без их повсеместного и ежедневного использования. Компьютеры, мобильные телефоны различной сложности, навигаторы, телевизоры с возможностью выхода в Интернет и Skype и даже холодильники с чайниками сегодня становятся носителями значительного объема цифровой информации и являются теми кирпичиками кибернетического пространства, в котором отражается человеческая жизнь с ее сложными взаимоотношениями и событиями. Поскольку в этом кибернетическом пространстве отображаются все без исключения события и явления, включенные в его сферу, то, следовательно, и сведения, связанные с совершаемыми преступлениями, находят в нем свое неминуемое отражение.

Вопросам исследования природы отражения событий, связанных с преступлением в кибернетическом пространстве, образованном средствами компьютерной техники, в последние годы уделялось достаточно много внимания и в этом направлении получены определенные результаты, позволяющие понять механизм слеодообразования в электронной цифровой среде для раз-

личных форм представления исходной уголовно-релевантной информации: акустической, видео (статической и динамической), электронных документов, компьютерных файлов и т.п. [1, 2, 3].

Однако все эти исследования в основном ограничивались лишь криминалистическими аспектами процессов отображения и преобразования информации в компьютерных системах, практически не уделяя внимания уголовно-процессуальным аспектам формирования доказательств на их основе. Вместе с тем этот вопрос, несомненно, является краеугольным в расследовании преступлений, сопряженных с использованием компьютерной техники, высоких технологий, и от его решения во многом зависит перспектива разрешения уголовного дела.

В соответствии с классическими представлениями отечественной уголовно-процессуальной науки, для того чтобы сформировать из уголовно-релевантной информации доказательство, необходимо не только обнаружить носитель, на котором она запечатлена, но и, во-первых, получить эту информацию с помощью предусмотренных законом следственных или иных процессуальных действий, а, во-вторых, закрепить её в установленном законом порядке.

Рассмотрим подробнее, какие же возможности представляются действующим уголовно-процессуальным законодательством следователю и дознавателю для получения и закрепления уголовно-релевантной электронной цифровой информации. Несмотря на то, что арсенал имеющихся процессуальных действий достаточно велик, он все же, с одной стороны, ограничен исчерпывающим списком, а с другой — в рассматриваемых нами целях фактически сводится к одному единственному следственному действию — осмотру. Высказываемые некоторыми исследователями мнения о том, что к таким действиям можно отнести обыск и выемку, ничего существенного не меняют, поскольку все эти действия имеют единую поисково-познавательную природу и отличаются лишь:

- наличием предварительной осведомленности относительно места размещения искомой информации и ограниченными целями — для случая проведения выемки;
- возможностью преодоления сопротивления воли (нежелания предоставить доступ к искомой информации) и проникновения в личную сферу жизни лица, у которого осуществляется следственное действие — для случая проведения обыска.

В связи с этим дальнейшие рассуждения, на наш взгляд, будут справедливы во всех случаях, как для одного (осмотр), так и для нескольких следственных действий.

Исходя из смысла статей 176, 177 УПК Российской Федерации, осмотр представляет собой следственное действие, состоящее в непосредственном обозрении лицами, ведущими расследование, различных материальных объектов в целях выяснения обстановки совершения преступления, обнаружения и закрепления следов преступления, получения предметов, которые могут быть вещественными доказательствами, документов и установления иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [4].

Аналогичные точки зрения отражены практически во всех наиболее авторитетных учебниках по уголовному процессу России.

Практически тождественное представление о природе следственного осмотра сформировано и в криминалистике. Так, осмотр определяется как следственное действие, проводимое для непосредственного обнаружения и исследования объектов, имеющих значение для дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения [5].

Вместе с тем при осмотре элементов кибернетического пространства, образованного средствами компьютерной техники, непосредственного восприятия, или, как еще формулируют исследователи, обозрения или обнаружения, уголовно-релевантной компьютерной информации следователем, дознавателем, понятыми и другими участниками следственного действия не происходит. Как неоднократно отмечалось, для восприятия компьютерной информации необходимо наличие и активное использование соответствующих технических и программных средств, поз-

воляющих опосредованно сформировать представление о таком объекте.

Справедливости ради следует отметить, что действующая редакция соответствующих статей УПК Российской Федерации прямого указания на то, что следственный осмотр представляет собой непосредственное восприятие объектов, их признаков и свойств, не содержит. Более того, ч. 5 статьи 166 определяет необходимость указания в протоколе следственного действия технических средств, условий и порядка их использования при его производстве, тем самым косвенно допуская возможность проведения и опосредованного восприятия с использованием различных искусственных объектов и методик их применения.

Для получения адекватного представления о наблюдаемом электронном цифровом объекте и его реально существующих связях с событием преступления должен выполняться целый комплекс требований. В противном случае признавать полученную таким образом информацию доказательством будет нельзя, на что неоднократно обращали внимание ряд исследователей [6].

В обобщенном виде упомянутый комплекс требований, позволяющих говорить о возможности формирования из обнаруженных (искомых) электронных цифровых объектов доказательств, выглядит следующим образом:

- корректность фиксации основных событий (формирования необходимого электронного цифрового объекта) в исследуемой компьютерной системе (правильно установленное системное время компьютерной системы, надлежащим образом корректно настроенная процедура записи требуемого набора событий в системные журналы);
- корректность передачи искомых электронных цифровых объектов к месту хранения/архивирования;
- корректность обработки искомых электронных цифровых объектов в принимающей компьютерной системе;
- неизменность хранения искомых электронных цифровых объектов до момента их обнаружения;
- корректность процедуры копирования искомых электронных цифровых объектов;
- неизменность хранения копий электронных цифровых объектов после копирования до их соответствующего исследования;
- корректность интерпретации связи искомых электронных цифровых объектов с событием преступления.

Приведенная подробная детализация всех событий характерна в первую очередь для случаев использования ресурсов сети Интернет и значительно упрощается для ситуации, когда мы имеем дело с одним изолированным компьютером. Отмеченный выше полный комплекс требований наиболее ярко проявляется для случая, когда некоторый Web-ресурс (например, официальный портал какой-либо организации) размещается на сервере А в одном месте (например, в офисе организации), программы — регистраторы основных событий этого

Web-ресурса размещаются на сервере **В** в другом месте (например, на вычислительных мощностях фирмы Google — в «облаке серверов» <http://www.google.com/analytics>), а регулярные отчеты, сформированные сервером **В**, периодически собираются и хранятся на компьютере **С** в третьем месте (например, рабочем месте системного администратора организации).

Учитывая различные географические места размещения названных серверов (зачастую попадающие даже в юрисдикцию различных государств), различные технические и технологические платформы, на которых реализованы процессы формирования уголовно-релевантной информации, особенности используемых для этого программно-технических средств и требований к порядку их работы, а также необходимость одновременности проведения действий в указанных местах, требуемое действие по формированию доказательств из совокупности электронных цифровых объектов вряд ли подпадает под классическое представление о следственном осмотре.

Исходя из изложенного, следует выделить два основных направления дальнейших действий по совершенствованию нормативного правового регулирования в области формирования доказательств на основе электронных цифровых объектов:

1. Введение в УПК Российской Федерации новой категории доказательств, в основу которых должна быть положена цифровая информация, представленная в электронном виде (например, путем уточнения и дополнения статьи 74 УПК).

2. Формирование нового следственного действия, предусматривающего возможность технологически корректного и юридически обоснованного получения электронной цифровой информации из распределенных компьютерных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мещеряков В.А. Виртуальные следы под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. — 2009. — № 1(4) — С. 28—33.
2. Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике. — Воронеж, 2001.
3. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: монография. — М.: Юрлитинформ, 2012.
4. Уголовный процесс России: учебное пособие / под редакцией З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. — С. 217.
5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — С. 150.
6. Какие ваши доказательства [Электронный ресурс]. — URL: <http://spektrsec.ru/kakie-vasji-dokazatelstva.html>
7. Федотов Н.Н. Доказательная сила логов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.securitylab.ru/contest/285274.php>
8. Собоцкий И.В. О доказательственном значении лог-файлов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.securitylab.ru/analytics/216291.php>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мещеряков Владимир Алексеевич. Руководитель Департамента связи и массовых коммуникаций Воронежской области. Доктор юридических наук, профессор.

E-mail: Vmescheryakov@gov.vrn.ru

Россия, 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 1. Тел. (473) 232-04-33.

Трухачев Вадим Викторович. Заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский государственный университет.

Россия, 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10а. Тел. (473) 220-83-38.

Meshcheryakov Vladimir Alekseevich. The Head of Department of Communication and Mass Linkage in the Voronezh region. Doctor of Law. Professor.

Work address: Russia, Voronezh, Lenin Sq., 1. Tel. (473) 232-04-33.

Trukhachev Vadim Victorovich. The chief of the Criminal Law Department in the Faculty of Law. Doctor of Law, professor.

Voronezh State University.

Work address: Russia, Voronezh, Lenin Sq., 1. Tel. (473) 220-83-38.

Ключевые слова: доказательство; электронный цифровой объект; кибернетическое пространство; событие преступления.

Key words: evidence; electronic digital object; cyberspace; event of crime.

УДК 343.13

И.А. Насонова,
доктор юридических наук, доцент

Т.А. Степанова

ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

POWERS OF THE CHIEF DIVISIONS OF INQUIRY IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: DEFINITION AND CLASSIFICATION

В статье рассматривается понятие и классификация полномочий начальника подразделения дознания. Анализируются научные взгляды на классификацию полномочий руководителя следственного органа применительно к систематизации полномочий начальника подразделения дознания. Вносятся предложения по классификации полномочий начальника подразделения дознания.

This article discusses the concept and classification of office of Chief of inquiry. It analyzes scientific views on the classification of the power of the head of investigation department with respect to the systematization of office of Chief of inquiry. There are some proposals on the classification of power of Chief inquiry.

С июня 2007 года начальник подразделения дознания является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, осуществляющим свою процессуальную деятельность в пределах предоставленных ему законодателем полномочий. Последние включают в себя не только права, но и обязанности субъекта.

Необходимо отметить, что термины «полномочия», «уполномочен» используются законодателем, главным образом, применительно к участникам уголовного судопроизводства, обладающим властным ресурсом (прокурор, орган дознания, дознаватель, следователь, начальник подразделения дознания и др.). В редких случаях в уголовно-процессуальных нормах говорится о полномочиях других лиц, не обладающих указанным признаком (например, о полномочиях защитника в соответствии со ст. 53 УПК РФ).

Система полномочий любого субъекта из числа государственных органов и должностных лиц образует его компетенцию. В связи с этим нельзя не согласиться с выводами авторов о

взаимосвязи понятий «полномочия» и «компетенция» [1] и соотношении их как общего и единичного [2].

Осуществление участником уголовного судопроизводства своих полномочий в рамках предоставленной ему компетенции подчинено его назначению, которое с наибольшей очевидностью прослеживается в его функции и остальных наиболее важных направлениях его деятельности.

Учитывая обозначенные обстоятельства, а также исходя из специфики процессуальной роли начальника подразделения дознания, можно выделить следующие признаки его полномочий:

- состоят из прав и обязанностей начальника подразделения дознания;
- в своей совокупности образуют компетенцию начальника подразделения дознания;
- подробно регламентированы действующим законодательством;

- обусловлены назначением уголовного судопроизводства, а именно защитой прав и законных интересов личности;

- направлены на реализацию как организационно-управленческой, так и процессуальной деятельности начальника подразделения дознания;

- ориентированы на выполнение начальником подразделения дознания уголовно-процессуальной функции обвинения, а также на осуществление руководства работой дознавателя; организацию расследования преступления в форме дознания; процессуальный контроль над деятельностью дознавателя и устранение процессуальных нарушений, допущенных дознавателем; на избрание подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Полномочия начальника подразделения дознания — это не простая совокупность его прав и обязанностей, а их система. Интересам систематизации любых явлений служит прием классификации.

Философский словарь содержит следующее определение классификации: «Особый случай применения логической операции деления объема понятия, представляющий собой некоторую совокупность делений (деление некоторого класса на виды, деление этих видов и т.д.)» [3]. Приведенное определение может быть использовано в качестве базового для любой классификации.

П.С. Элькин справедливо отмечала, что классификация должна базироваться на правильном учете объективных свойств классифицируемых явлений [4].

Классификация полномочий начальника подразделения дознания не только способствует систематизации накопленных знаний об этом участнике уголовного судопроизводства, но и является непременным условием эффективности его деятельности.

Применительно к указанным полномочиям классификация предполагает их объединение по определенным критериям в относительно однородные группы. Но, прежде чем их выявить, необходимо обратиться к уже существующим классификациям полномочий участников уголовного судопроизводства из числа должностных лиц, возглавляющих соответствующие подразделения и в этом смысле имеющих определенное сходство с начальником подразделения дознания. Речь идет о руководителе следственных органов и его предшественнике — начальнике следственного отдела. Несмотря на то, что они являются участниками предварительного следствия, а не дознания, их процессуальное положение в некоторых моментах напоминает статус начальника подразделения дознания.

Полномочия начальника следственного отдела классифицировались по-разному. Одни авторы делили их на две группы:

- полномочия, служащие средством обнаружения нарушений закона, ошибок и упущений при расследовании уголовных дел (например, право проверять уголовные дела, участвовать в производстве предварительного расследования и др.);

- полномочия, служащие средством устранения выявленных нарушений закона и пробелов следствия, способствующие наиболее полному, всестороннему и объективному производству предварительного следствия (например, передавать дела от одного следователя другому, давать указания и др.) [5].

Другие авторы обосновывали целесообразность следующей классификации:

- процессуальный контроль за расследованием уголовного дела (проверка уголовного дела, личное участие в производстве предварительного следствия, дача указаний о выполнении отдельных следственных действий, квалификации преступлений, привлечение граждан в качестве обвиняемых и определение объема обвинения, направление дальнейшего расследования уголовного дела);

- процессуальное руководство следственным подразделением (указание о производстве предварительного следствия, передаче дела от одного следователя другому, поручение расследования нескольким следователям) [6].

Взгляды ученых на систематизацию полномочий должностного лица, возглавляющего соответствующее следственное подразделение, менялись по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

И применительно к руководителю следственного органа были предложены следующие виды его полномочий:

- полномочия по осуществлению контроля и руководства предварительным следствием (проверять материалы уголовного дела, давать указания и др.);

- полномочия процессуально-организационного характера, направленные на организацию предварительного следствия (поручать производство предварительного следствия, изымать уголовное дело у следователя и др.);

- полномочия, связанные с самостоятельным устранением выявленных нарушений закона (отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования и др.) [7].

Е.А. Новиков, видя в контроле за деятельностью следователя доминирующий вид полномочий руководителя следственного органа, предлагает сразу несколько критериев их классификации:

- в зависимости от содержания: 1) полномочия, обеспечивающие возможность выявления недостатков и процессуальных нарушений; 2) полномочия, обеспечивающие устранение

выявленных недостатков и процессуальных нарушений;

- в зависимости от сферы воздействия: 1) полномочия по контролю за деятельностью следователей по расследованию конкретных уголовных дел, затрагивающие существо уголовного дела; 2) полномочия по процессуальному контролю, которые не затрагивают существа уголовного дела и связаны с определением субъекта расследования;

- в зависимости от способа закрепления: 1) полномочия руководителя следственного органа, закрепленные в уголовно-процессуальных нормах в виде предписаний, устанавливающих право либо обязанность руководителя следственного органа осуществлять определенные процессуальные действия (нормативные полномочия); 2) полномочия руководителя следственного органа, которые обнаруживаются путем толкования отдельных норм УПК РФ [8].

Анализируя названные классификации, с неизбежностью приходится констатировать, что в их основе лежит учет различных направлений процессуальной деятельности должностных лиц, возглавляющих соответствующее следственное подразделение (руководство, контроль, самостоятельное устранение выявленных недостатков). Правда, авторы зачастую по-разному понимают и оценивают указанные направления.

Не вдаваясь в подробности проблемы классификации полномочий руководителя следственного органа, полагаем допустимым использование указанного подхода и к систематизации полномочий начальника подразделения дознания. Именно в зависимости от направленности процессуальной деятельности начальника подразделения дознания, думается, можно выделить полномочия по:

- процессуальной организации расследования преступления в форме дознания (например, поручение дознавателю проверки сообщения о преступлении, принятия по нему решения (п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ); передача уголовного дела другому дознавателю (п. 2 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ) и др.;

- руководству работой дознавателя (дача дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ);

- осуществлению процессуального контроля над деятельностью дознавателя (например, проверка материалов уголовного дела в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ);

- устранению процессуальных нарушений, допущенных дознавателем (отмена необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу (п. 3, ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ), внесение про-

курору ходатайства об отмене незаконных или необоснованных постановлений дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 4, ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ) и др.);

- осуществлению уголовного преследования (принятие дела к своему производству и проведение дознания в полном объеме (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ)).

Полагаем, что существуют и иные критерии классификации полномочий начальника подразделения дознания. Среди них: отношение полномочий начальника подразделения дознания к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности; стадии уголовного судопроизводства, в которых данные полномочия реализуются; роль начальника подразделения дознания в уголовно-процессуальном доказывании.

По отношению полномочий начальника подразделения дознания к осуществлению уголовно-процессуальной деятельности следует выделять полномочия, носящие организационно-управленческий характер и процессуальные полномочия указанного субъекта. К организационно-управленческим полномочиям начальника подразделения дознания относятся: осуществление руководства деятельностью подразделения; контроль дежурства дознавателей в следственно-оперативной группе; проведение работы по отбору и воспитанию кадров, организация обучения личного состава в системе боевой и служебной подготовки; внесение предложений о назначении на должность, перемещении, временном отстранении и увольнении сотрудников подразделения, о представлении отпусков сотрудникам подразделений, об обеспечении сотрудников подразделения средствами организационной, криминалистической и вычислительной техники, выделении служебных помещений и др. [9].

Процессуальные полномочия в первую очередь закреплены в УПК РФ и включают, например, отмену необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу (п. 3, ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ), принятие дела к своему производству и проведение дознания в полном объеме (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ) и др.

В зависимости от стадий уголовного судопроизводства, в которых осуществляется деятельность начальника подразделения дознания, полномочия делятся на осуществляемые в стадии возбуждения уголовного дела (например, поручение дознавателю проверки сообщения о преступлении) и осуществляемые в ходе дознания (отмена необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу, утверждение обвинительного акта и др.).

Учитывая роль начальника подразделения дознания в уголовно-процессуальном доказывании, необходимо разграничивать полномочия, связанные с этим видом деятельности (например,

собрание доказательств при производстве дознания самим начальником подразделения дознания в соответствии с ч. 2 ст. 40 УПК РФ), и полномочия иного рода.

Предложенные нами классификации, несмотря на их условный характер, позволяют более детально изучить полномочия начальника подразделения дознания, выявить как их позитивные свойства, так и недостатки, а следовательно, создать определенные предпосылки к совершенствованию деятельности данного участника уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элькинд П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. — М., 1967. — С.154.
2. Есина А.С. Процессуальная компетенция органов дознания системы МВД России: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — С.13—15.
3. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — 4-е изд. — М., 1980. — С. 155.
4. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж, 1978. — С. 118.
5. Асриев Б.В. Начальник следственного отдела в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1973. — С.71—72.

6. Кальницкий В.В. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1982. — С.9—10.

7. Табаков С.В. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2009.

8. Новиков Е.А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — С. 14—15.

9. Типовое положение об отделе (отделении, группе) дознания отдела (управления) внутренних дел по району (муниципальному району), городу (городскому округу) и иному муниципальному образованию, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, линейного органа внутренних дел на транспорте, органа внутренних дел в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах / Приложение №2 к Приказу МВД России от 6 августа 2007г. №697 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по производству предварительного расследования в форме дознания» // СПС «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Насонова Ирина Александровна. Профессор кафедры уголовного процесса. Доктор юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Степанова Татьяна Александровна. Адыонкт кафедры уголовного процесса.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: tatjana020382@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473) 247-67-07.

Nasonova Irina Alexandrovna. Professor of the criminal process chair. Doctor of Law, the assistant professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-67-07.

Stepanova Tatyana Alexandrovna. Post-graduate cadet of the criminal process chair.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel. (473) 247-67-07.

Ключевые слова: начальник подразделения дознания; руководитель следственного органа; дознаватель; полномочия; классификация; процессуальный контроль; процессуальное руководство; уголовное преследование.

Key words: chief of division of inquiry; head of Investigation Department; investigator; powers; classification; procedural control; procedural management; criminal prosecution.

УДК 343.13

А.В. Тямкин,
доктор юридических наук, профессор

Г.Е. Цыкова

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ ПРИ ДОПРОСЕ

TACTICAL METHODS OF THE FALSE TESTIMONY UNMASKING AT INTERROGATION

В работе анализируются тактические приемы разоблачения ложных показаний при допросе. Рассматриваются понятие и признаки ложных показаний, выявляемых при допросе.

The article analyzes tactical methods of the false testimony unmasking at interrogation. The notion and main features of the false testimony revealed at interrogation are examined.

Широкое распространение в последние годы получил такой прием противодействия расследованию, как воздействие преступников и связанных с ними лиц на участников уголовного судопроизводства. Наше исследование выявило рост количества опасных способов осуществления актов воздействия, связанных с физическим и психическим насилием в отношении участников уголовного судопроизводства, с целью принуждения их к даче ложных показаний. Изучение состояния защищенности участников уголовного судопроизводства показало, что во многих случаях отказ от дачи ими правдивых показаний либо изменение показаний связаны с воздействием подозреваемых, обвиняемых, их родственников или невыявленных соучастников преступления. Такое воздействие находит выражение в угрозах, преследовании, шантаже подкупе, угрозе и применении психического и физического насилия к указанным лицам и их близким.

Преступное воздействие на участников уголовного судопроизводства по способу осуществления можно подразделить на психическое и физическое. Физическое преступное воздействие

представляет собой любую форму насилия над их личностью (побои, телесные повреждения, убийство). Физическое воздействие может выразиться как в преступном посягательстве на честь, достоинство, здоровье и жизнь, так и на имуществе потерпевших.

Психическое воздействие на лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве, может выражаться в угрозах, оскорблении, клевете, оно рассчитано на устрашение, подавление воли, психики. Под психическим насилием, как правило, подразумевается активное воздействие на психику лиц, участвующих в уголовном процессе. Психическое насилие — одна из наиболее часто встречающихся форм воздействия, по мнению работников правосудия. Из характеристики психического насилия и его способов следует, что физическое воздействие нередко является средством, подтверждающим угрозы.

Как видно из вышеуказанных рассуждений, психическое и физическое насилие как формы воздействия на участников уголовного судопроизводства тесно переплетаются между собой. Поэтому, на наш взгляд, основное различие со-

стоит в том, на что направлено воздействие: психическое — на волю свидетеля или потерпевшего, физическое — на здоровье и жизнь или на имущество указанных лиц. Несмотря на имеющиеся различия, между физическим и психическим насилием существует тесная взаимосвязь. Физическое насилие всегда влечет за собой психические травмы, так как любая боль или притеснение травмирует психику (за исключением случаев, когда физическая травма причиняется человеку, находящемуся в бессознательном состоянии, например под наркозом). В то же время психическая травма может вызвать функциональные расстройства и даже смерть.

В современных условиях вызывает озабоченность тот факт, что преступное воздействие на участников уголовного судопроизводства, проявляемое в форме принуждения указанных лиц к даче ложных показаний, становится все более изощренным, жестоким и неприкрытым. Участников уголовного судопроизводства угрожают, шантажируют, подкупают, похищают, подвергают избиению и насилию, лишь бы те согласились дать на следствии ложные показания.

В основе понимания ложных показаний в уголовном судопроизводстве лежит сложившееся в науке представление о показаниях вообще: «показания — это сообщение лица о фактических данных, полученных во время допроса в установленном законом порядке» [1], которые являются одним из видов доказательств, используемых для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовных дел. Принуждение (какое бы оно ни было — физическое или психическое) к даче ложных показаний расценивается как преступление, имеющее отражение в ч. 2 ст. 309 УК РФ.

Ложными показаниями являются такие показания, с помощью которых осуществляется умышленное сокрытие фактов, искажение истины. В основе ложных показаний лежит понятие «ложь», под которым понимается намеренное искажение истины, неправда, то есть заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает об истинном положении вещей или искажает то, что он знает.

С позиции психологии ложь — «это действие, которым один человек вводит в заблуждение другого человека, делая это умышленно» [2. — С. 12]. Ложь как особое психологическое явление следует рассматривать в двух проявлениях: как результат и процесс. Результатом является восприятие несоответствующей действительности информации обманутым человеком. Процесс — это динамика внутренних состояний обманщика. Представляется возможным классифицировать ложь на полную (полный вымысел)

и неполную (извращение истины). Полный вымысел, в отличие от неполной лжи, которая включает в себя три основных способа: 1) опущение; 2) преувеличение (с целью произвести эффект); 3) приукрашивание (некоторые факты отбрасываются, а некоторые добавляются), встречается достаточно редко, т.к. любой случай может выдать лжеца [3. — С. 12]. Ж. Дюпра определяет понятие «ложь» как «психосоциологический словесный акт внушения, при помощи которого стараются, более или менее умышленно, посеять в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине» [4. — С. 17]. Нам близка точка зрения Ж. Дюпра, который выделяет две базовые формы лжи, или два способа внушения неправды: А. Положительное внушение — это выдумки всякого рода (клевета, подлог, лжесвидетельство), вымысел, притворство, прибавления, извращения и преувеличения; Б. Отрицательное внушение — включает в себя полную скрытность, отрицание фактов, утайку показаний, умолчание, пропуски, искажение истины [4. — С. 21].

О. Липманн, Л. Адам, анализируя ложь в судопроизводстве, пришли к выводу, что человек может умолчать о каких-либо деталях, и это не будет восприниматься как ложь: «Не всё, что есть правда, должно быть сказано, но всё, что сказано, должно быть правдой» [5]. В.В. Знаков это же трактует как обман, или полуправду. Он же дает наиболее подходящее определение лжи, где ложь — это сознательная передача сведений, не соответствующих действительности [3. — С. 17].

Особый интерес вызывает позиция О. Липманна, согласно которой ложь обусловлена присутствием в сознании человека двух «борющихся» между собой комплексов представлений — правдивого и ложного [3. — С. 18]. В результате чего сообщение личностью ложной информации является осознанным действием, сопровождаемым специфическими проявлениями в экспрессивном поведении обманщика.

Намеренное искажение истины означает, что допрашиваемое лицо осмысленно дает объяснения, которые не соответствуют реальной действительности. Ложь — всегда не только умышленное, то есть осознаваемое, но и намеренное деяние [2. — С. 24].

Первостепенной задачей допроса при необходимости разоблачения ложных показаний является изобличение допрашиваемого во лжи, в стремлениях утаить, скрыть или исказить истину. Исследования практики показали, что наиболее распространенным приемом противодействия расследованию является сообщение участниками уголовного судопроизводства следовате-

лю или суду на допросе ложной информации с целью ввести допрашивающих в заблуждение, данный прием встречался в 80% случаев с сокрытием вообще. Лжесвидетельство имеет широкое распространение на практике в современных условиях.

Прежде чем преодолеть ложь, ее сначала нужно выявить. Признаками ложных показаний являются:

- противоречие между информацией в показаниях и сведениями по тому же поводу из других источников;
- сообщение одним лицом различных сведений по одному и тому же вопросу;
- неопределенность, неконкретность сведений, содержащихся в показаниях;
- совпадение в мельчайших деталях показаний нескольких лиц об одном и том же;
- «проговорки», указывающие на осведомленность допрашиваемого об обстоятельствах, знание которых он отрицает;
- наличие в показаниях фраз, выражений, слов, не соответствующих уровню развития допрашиваемого;
- уклонение от ответа на прямой вопрос [6].

Также одной из главных задач следователя при проведении допроса является установление причин, которые «вынудили» лицо встать на путь противодействия. Их установление и грамотная ликвидация зачастую помогают следователю устранить конфликт, тем самым сменить характер отношений, то есть прекратить отношения соперничества и перейти к сотрудничеству. При данных обстоятельствах значим дружелюбный подход, разъяснение допрашиваемому конфиденциальности его показаний.

Проанализировав следственную практику и научную литературу, мы пришли к выводу о том, что успех допроса в условиях противодействия зависит от таких факторов, как:

- наличие у следователя достаточной информации по тому или иному факту, который подлежит исследованию;
- устойчивость и степень возникшего между сторонами противодействия;
- подготовленность следователя к противоборству, его умение входить в контакт с людьми, планировать следственные действия, применять рациональные тактические приемы;
- условия, в которых будет осуществляться его общение с противоборствующей стороной (наличие подходящего для допроса места, времени для длительного общения);
- полнота и правильность примененных источников получения информации (документов, вещественных доказательств, показаний очевидцев и др.);

- сложность оценки доказательственной информации, получаемой следователем в условиях противодействия.

В целях обеспечения эффективности допроса на подготовительной стадии необходимо применение тактических приемов, нацеленных на формирование у допрашиваемого, по возможности, положительного отношения к предстоящей процедуре. Готовясь к допросу, собирая сведения о личности допрашиваемого, следователь должен уделить внимание отождествлению истинного образа, психологической сущности человека, с которым предстоит общение в ходе допроса. Применение общенаучных методов познания и практической деятельности (наблюдения, сравнения и др.) при подготовке к допросу в дальнейшем облегчает налаживание контакта с ним, способствует повышению точности диагностики информационного состояния допрашиваемого, помогает конкретизировать его отношение к искомой информации, создает условия для выявления возможного противодействия со стороны допрашиваемого установлению истины, повышая эффективность психологического воздействия на допрашиваемого, оказываемого следователем. При общении необходимо демонстрировать объективность, доброжелательность, заинтересованность в судьбе допрашиваемого.

Поскольку различные по силе установки на противодействие допрашиваемого установлению истины выражаются в разных по содержанию формах поведения субъекта, от следователя требуется умелое оперирование различными приемами, направленными на преодоление оказываемого противодействия. Более всего в сокрытии определенной информации заинтересованы виновные лица, т.к. именно они несут ответственность за совершенные преступления. Важную роль в разоблачении ложных показаний допрашиваемого играет установление мотивов как основы формирования такой позиции. Нами установлено, что таким мотивом чаще всего (в 85% случаев) является боязнь осуществления негативного воздействия на допрашиваемого иных заинтересованных в результатах расследования лиц. Именно при активном противодействии допрашиваемого установлению истины используется весь арсенал тактических приемов для изобличения его во лжи, а также для преодоления умолчания. В частности, ложь, проявляющаяся в виде полного или частичного утаивания или искажения информации, может быть разоблачена путем:

1) последовательного предъявления уличающих доказательств (в том числе с демонстрацией аудио- и видеоматериалов) — как вещественных доказательств, так и показаний других лиц (при этом допрашиваемый на опреде-

ленном этапе начинает предполагать, что следователь располагает и более весомыми доказательствами, в связи с чем он вынужден корректировать свою позицию, чтобы избежать дальнейшего изобличения во лжи). Доказательства в зависимости от их значения и личности допрашиваемого могут предъявляться последовательно, по нарастающей степени их значимости или, наоборот, в порядке убывания доказательственной силы — от самого весомого к менее веским, в отдельных случаях возможно одновременное предъявление всех имеющихся доказательств (25% респондентов отметили, что применяли данный тактический прием);

2) создания следователем у допрашиваемого повышенного представления о своей осведомленности за счет сообщения ему отдельных и незначительных, но достоверно установленных фактов (при этом линия поведения следователя должна быть взвешенной на основе уверенности и убежденности в раскрытии преступления, что создает у допрашиваемого впечатление об осведомленности следователя не только в мелочах, но и по основным обстоятельствам). Данный тактический прием отметили 13% респондентов;

3) использования приема «допущение легенды» — предоставление допрашиваемому возможности беспрепятственно излагать придуманные им объяснения события, при этом следователь беспристрастно выслушивает и записывает ложные показания допрашиваемого, а затем опровергает собранными доказательствами, учитывая их нелогичность, противоречие материалам дела. Указанный прием, как правило, эффективно убеждает допрашиваемого в недопустимости ложных показаний и по другим вопросам. Предпочтение данному тактическому приему отдали 19% респондентов;

4) применения при допросе аудио- и видеозаписи, в процессе которой фиксируется не только вербальная информация, но и информация, выраженная в невербальной форме, а также ход допроса, эмоциональное состояние допрашиваемого, реакция на поставленные вопросы. На применение данного тактического приема указали 20% респондентов.

С учетом проведенного анкетирования, представляется возможным сделать вывод о том, что практическими работниками уделяется достаточно внимания информации, выраженной в невербальной форме, на начальном этапе допроса, с указанием на широкий круг задач, решаемых за счет ее использования: 66,1% проанкетированных отметили выявление признаков сокрытия субъектом информации, интересующей следствие; 58,3% — определение эмоционального состояния человека; 54% — распознавание его темперамента и характера; 45,8% — выработку

линии собственного поведения в ходе следственного действия; 30% — создание предпосылок для установления и поддержания психологического контакта с допрашиваемым; 34% — выявление социального статуса человека; 8% — обнаружение признаков алкогольного или наркотического опьянения (сумма превышает 100%, поскольку респондентами указывались несколько вариантов ответов).

К допросу участников уголовного судопроизводства, дающих ложные показания, имеют прямое отношение два дискуссионных вопроса:

- допустимость использования приемов психологического воздействия, в литературе именуемых «следственными хитростями» или «психологическими ловушками»;

- использование полиграфа и других средств регистрации психофизиологического состояния допрашиваемого.

Данные приемы рассчитаны на создание такой обстановки, при которой допрашиваемый может неадекватно оценить сложившуюся следственную ситуацию и прийти к выводу о необходимости дать правдивые показания. К оценке правомерности таких приемов нужно подходить весьма осторожно.

Существуют и другие тактические и психологические приемы допроса в условиях противодействия: «снятие напряжения» в ходе беседы до начала допроса, активизация положительных качеств личности, максимальная детализация показаний. А.Р. Белкин классифицирует тактические приемы в зависимости от характера показаний. «Применительно к допросу, целью которого служит получение полных и правдивых показаний, на первый план выходит система способов (приемов) изобличения допрашиваемого во лжи» [7. — С. 59]. При даче допрашиваемым ложных показаний им выделяются приемы изобличения во лжи, при полных и правдивых показаниях — тактические приемы, направленные на проверку показаний, при правдивых, но неполных показаниях — тактические приемы, направленные на восполнение показаний. Предложенные классификации являются базой для дальнейшего совершенствования системы методов и способов корректировки показаний допрашиваемого.

Однако, каковы бы ни были тактические приемы, они не должны базироваться на обмане. Ч.1 ст. 75 УПК гласит: доказательства, полученные с нарушением требований закона, являются недопустимыми, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК. Искусство и профессионализм следователя проявляются, прежде всего, в способности склонить допрашиваемого к сотрудничеству,

побудить его дать полные и правдивые показания. Применяя тот или иной тактический прием, следователь не должен: унижать честь и достоинство допрашиваемого; влиять на позицию невиновного, чтобы не способствовать признанию им несуществующей вины; оправдывать совершение преступления или преуменьшать его общественную опасность; способствовать оговору со стороны допрашиваемого; использовать неосведомленность субъекта в вопросах уголовного права и процесса; способствовать развитию у допрашиваемого низменных чувств, совершению им аморальных поступков; сообщать субъекту заведомо ложные сведения; подрывать авторитет правоохранительных органов. Приемы должны быть научно обоснованными, логичными, этичными, способствовать достижению истины по делу [8].

Справедливо отмечено П. Экманом, что встречаются личности, уровень владения собой у которых настолько высок, что позволяет отнести их к прирожденным лжецам, но в массе своей люди не столь искусны, и их попытки ввести следователя в заблуждение могут быть разоблачены [9]. Ложь в ходе следствия обладает определенной спецификой по сравнению с повседневной ложью, заключающейся в том, что ложь на следствии обычно сопряжена для лжеца с достижением важных для него целей [10], им движет страх перед наказанием, желание предотвратить огласку совершенного преступления путем его отрицания; боязнь расправы со стороны преступников; стремление запутать и затянуть следствие, чтобы затруднить раскрытие преступления; желание приобрести авторитет в определенных кругах и т.д., — а потому ложь, будучи подкрепленной повышенной мотивацией, как правило, заранее готовится и продумывается.

С учетом приведенных выше рассуждений о тактических приемах разоблачения ложных показаний при допросе в условиях противодействия представляется возможным сформулировать некоторые теоретические и практические выводы:

1. Дача ложных показаний участниками уголовного судопроизводства — это волевое действие, при котором субъект осознает цели дачи ложных показаний, осуществляет их планирование и исполнение, где проявляется его воля и моральный облик, уровень сознательности.

2. Дача ложных показаний участниками уголовного судопроизводства является осознанным

актом противодействия правосудию в установлении обстоятельств по уголовному делу.

3. Проверка ложных показаний представляет собой тактическую комбинацию, проводимую в рамках такого сложного следственного действия, как допрос.

4. Допрос — это достаточно сложный информационный процесс, где информация поступает как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Для того чтобы использовать с максимальной эффективностью весь богатый потенциал этого следственного действия, следователь должен умело использовать вербальные и невербальные ресурсы и возможности допроса, обладать навыками наблюдения за внешними проявлениями допрашиваемого лица, уметь правильно диагностировать эти проявления, избегать необъективного отношения к участникам уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юридический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/lower/>
2. Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. Вып.5. — М., 1934. — С. 12.
3. Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. — М.: РГБ, 2003. — С. 12.
4. Дюпра Ж. Ложь. — Саратов, 1905. — С. 17.
5. Липманн О., Адам Л. Ложь в праве. — Харьков, 1929. — С. 26.
6. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. — М.: Академия управления МВД России, 2011. — С. 64 — 65.
7. Белкин А.Р. Криминалистические классификации. — М., 2000. — С. 59 — 60.
8. Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2000. — С. 145.
9. Экман П. Психология лжи. — СПб.: Питер, 2003. — С. 33—58.
10. Комиссарова Я.В., Семенов В.В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. — М.: Юрлитинформ, 2004. — С. 146.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Тямкин Александр Васильевич. Профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел.(473) 262-33-89.

Цыкова Галина Евгеньевна. Адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел.(473)262-33-89.

Tyamkin Alexander Vasilyevich. Professor of the chair of the operative and detective activity. Doctor of sciences (jurisprudence), professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel.(473)262-33-89.

Tsykova Galina Yevgenievna. Post-graduate cadet of the chair of the operative and detective activity.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

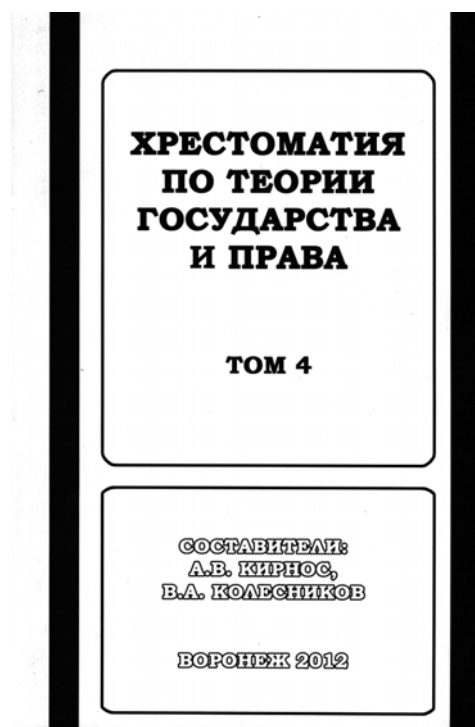
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53. Tel.(473)262-33-89.

Ключевые слова: ложные показания; тактические приемы разоблачения ложных показаний; противодействие расследованию; допрос; участники уголовного судопроизводства.

Key words: false testimony; tactical methods of the false testimony unmasking; counteraction to investigation; interrogation; parties of criminal legal proceedings.

УДК 343.2

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Хрестоматия по теории государства и права: в 4 т. Т. 4 / сост. А.В. Кирнос, В.А. Колесников. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2012. — 133 с.

Хрестоматия предназначена для курсантов и слушателей, интересующихся вопросами теории государства и права, истории политических и правовых учений. Содержит выдержки из современных учебных пособий и трудов западноевропейских, североамериканских и российских мыслителей XVIII — XX вв.

Д.А. Газизов,
кандидат юридических наук, доцент,
Барнаульский юридический институт
МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ СОСТОЯНИЯ МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ В СТРАНЕ

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE MONITORING OF NON-MEDICAL DRUGS USING IN THE COUNTRY

В статье проведен анализ статистических данных о лицах, допускающих немедицинское потребление наркотических средств. Рассматриваются проблемные вопросы организации мониторинга наркоситуации в стране.

The article analyzes the statistical data on persons using drugs in non-medical aims. The main problems of the monitoring organization of non-medical drugs using in the country are analyzed.

По оценкам ООН, от 155 млн. до 250 млн. человек (от 3,5% до 5,7% населения в возрасте от 15 до 64 лет) во всем мире хотя бы раз употребили запрещенные наркотические средства. Большинство потребителей запрещенных наркотиков в мире (129 — 190 млн. человек) использовали каннабис. На втором месте в списке наиболее часто употребляемых наркотиков стоят стимуляторы амфетаминового ряда, за ними следуют кокаин и опиаты. Однако если оценивать вред, вызванный потреблением наркотиков, то первое место займут опиаты [1].

В СССР атмосфера самоуспокоенности, характерная для периода застоя, привела к тому что «в упор не видели надвигающуюся опасность, острую социальную проблему» [2]. Традиционно считалось, что по сравнению с пьянством и алкоголизмом наркомания не получила в нашей стране широкого распространения, что это сугубо «закордонное явление». Действовал известный принцип: «Этого не может быть потому, что не может быть никогда!» [3].

Официальным признанием существования в СССР указанной проблемы явилось принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1987 года «О внесении изменений и допол-

нений в некоторые законодательные акты СССР»[4].

Российская Федерация как неотъемлемая часть мирового сообщества в полной мере испытывает на себе растущую наркоугрозу. В частности, в п. 37 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной указом Президента РФ от 12.05.2009 г. №537 [5], среди основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности закреплены: деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности.

По направленности наркотические угрозы можно разделить на угрозы личности, обществу и государству. Более того, главной является угроза личности (человеку), его жизненно важным интересам. Характер угроз требует адекватной ответной реакции со стороны государства: проведения системной и эффективной государственной антинаркотической политики [6].

В этой связи мы разделяем позицию доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации В.С. Овчинского о том, что происходящее в современной России в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков «иначе как кризисом не назовешь» [7].

Так, одной из проблем, стоящих сегодня перед российским обществом, выступает проблема наркотизации населения страны [8], которая требует проведения эффективной антинаркотической политики [9].

Для всестороннего понимания масштабов проблемы потребления наркотиков требуется принять во внимание ряд показателей: оценку потребления наркотиков при помощи коэффициента распространенности (в течение жизни, года) потребления среди населения в целом; потенциала проблемного потребления наркотиков на примере потребления наркотиков среди молодежи, издержки и последствия потребления наркотиков, измеренные при помощи спроса на лечение; уровня распространенности заболеваний и смертности, связанной с потреблением наркотиков.

Однако изучение статистических данных о лицах, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, и лицах с диагнозом «наркомания» показывает, что в юридической литературе и нормативных правовых актах приводятся различные цифры об одном и том же явлении.

Так, в Федеральной целевой программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005 — 2009 годы» [10] указывалось, что в 2004 г. число больных, страдающих психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением наркотиков, составило 493,6 тыс. человек, в 2003 г. — 495,6 тыс., в 2002 г. — 532 тыс., в 2001 г. — 535 тыс., в 2000 г. — 483 тыс., а в 1999 г. — 413 тыс.

Директор ФСКН России В.П. Иванов на совещании главных наркологов и главных детских наркологов органов управления здравоохранением субъектов Российской Федерации 16 сентября 2008 г. привел данные о лицах, систематически употребляющих наркотики, стоящих на учете с диагнозом «наркомания», согласно которым таких лиц было зарегистрировано: в 1999 г. — 364679, в 2000 г. — 441927, в 2001 г. — 496419, в 2002 г. — 498745, в 2003 г. — 495620, в 2004 г. — 493647, в 2005 г. — 500508, в 2006 г. — 517839 [11].

Согласно данным общероссийского мониторинга наркоситуации, проведенного в рамках Федеральной целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2002 — 2004 годы», количество лиц, допускающих незаконное

потребление наркотиков, на 1 января 2005 г. составило 5,99 млн. человек [12].

В 2010 г. число лиц, зарегистрированных в учреждениях системы Минздравсоцразвития России с диагнозом «наркомания», составило 350936 (темпы прироста по отношению к 2005 г. составил 2,2% (343509)). В том числе вследствие потребления: опиоидов — 304380 человек (2005 г. — 301711); каннабиноидов — 23097 (2005 г. — 21937); кокаина — 81 (2005 г. — 50); психостимуляторов — 4254 (2005 г. — 5150); других наркотиков и их сочетаний — 19124 (2005 г. — 14661) [13. — С. 8].

Официальные же данные о зарегистрированных лицах, употребляющих наркотические средства не в медицинских целях, которым не поставлен диагноз «наркомания», гораздо выше. Так, в 2010 г. — 547081, из них 393534 (71,9%) — это потребители наркотиков инъекционно, а 14,4%, или 56486, ВИЧ-инфицированы [13. — С. 28]. В свою очередь среди потребителей инъекционных наркотиков в 2010 г.: 84%, или 330695 человек, — мужчины и 16%, или 62839, женщины; в возрасте от 0 до 14 лет — 39 детей, от 15 до 17 лет — 1263 несовершеннолетних, от 18 до 19 лет — 10353 человек, основная масса от 20 до 39 лет — 337524 (в 2009 г. — 328435), 40—59 лет — 43971 человек (2009 г. — 42077), 60 лет и старше — 384 человек [13. — С. 29].

Согласно международным методикам расчета, реальное количество наркозависимых составляет примерно в 5 раз большую величину, т.е. до двух с половиной миллионов человек, или почти 2% населения страны [14].

Как справедливо отметил профессор В.С. Овчинский, «неискушенному уму трудно понять, чем больной наркоманией отличается от потребителя наркотиков и тем более от потребителя инъекционных наркотиков». Последние 20 лет постоянно в геометрической прогрессии растет число выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, если в 1990 г. их в РСФСР было зарегистрировано около 16 тыс., то в 2009 г. — уже 238,5 тыс., т.е. в 15 раз больше. Но и эти цифры далеки от реальности. Если количество наркоманов исчисляется миллионами, то и количество наркопреступлений должно исчисляться миллионами! Ведь каждый факт приобретения наркоманом очередной дозы — это уже преступление со стороны тех, кто эту дозу продает [7].

Значительное расхождение данных официальной статистики Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и данных, получаемых в результате проведения мониторинга наркоситуации, о количестве лиц, незаконно потребляющих наркотики, свиде-

тelleствует о ненадлежащей организации учета указанной категории лиц. Таким образом, можно говорить об отсутствии в стране государственной системы мониторинга развития наркоситуации, что отмечается и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. [15].

Проводимые в стране исследования подтверждают, что масштабы наркоэпидемии гораздо более внушительны, чем их оценивает официальная статистика. Так, установлено, что имеется тесная связь между уровнем общей заболеваемости наркоманией и смертностью, связанной с употреблением наркотиков (коэффициент корреляции между этими показателями — $R = 0,98$). Кроме того, рост числа больных наркоманией среди населения дает долговременный эффект роста числа ВИЧ-инфицированных лиц. Выявленная значимая связь ($R = 0,99$) имеет временной лаг, который для показателей распространенности ВИЧ-инфекции составляет 1 год, первичной заболеваемости ВИЧ — 1—2 года. Полученная количественная оценка связи свидетельствует о том, что при увеличении числа зарегистрированных больных наркоманией на 10% через год увеличивается число ВИЧ-позитивных лиц на 29,6%, а число впервые выявленных ВИЧ-позитивных — на 31,6% [16].

Немедицинское потребление наркотических средств негативно сказывается не только на здоровье лиц, злоупотребляющих ими, но и ведет к снижению общественной активности, сужению и, в конечном счете, распаду социальных связей, отрицательно влияет на социально-психологическую атмосферу в обществе, экономику. Рядом исследователей [17—22] была проведена оценка экономических потерь, связанных с употреблением наркотиков. Исследование показало, что социальная стоимость наркомании составляет 509,5 млрд. рублей, причем в 24 субъектах Российской Федерации она превысила 5% их валового регионального продукта. Наиболее значимый вклад в ее формирование внесли расходы потребителей наркотиков и лиц, их окружающих (около 78% от суммарной величины социальной стоимости наркомании), на втором месте — стоимость социальных последствий — 19%, на третьем — расходы на здравоохранение и профилактику — 2%.

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости выработки единых подходов к организации федеральными органами исполнительной власти учета лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, в том числе и тех, кто имеет диагноз «наркомания».

Предлагаемое будет способствовать достижению стратегической цели в области наркологической медицинской помощи, определенной п. 31

Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. [23] — своевременному выявлению и лечению лиц, незаконно потребляющих наркотики, совершенствованию наркологической медицинской помощи больным наркоманией, повышению ее доступности и качества, снижению уровня смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный доклад УНП ООН о наркотиках за 2010 год. С. 123 URL: http://www.unodc.org/documents/russia/Reports/World_Drug_Report_2010_rus_web.pdf
2. Габиани А.А. Наркомания: горькие плоды сладкой жизни // Социологические исследования. — 1987. — № 1. — С.48.
3. Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства борьбы с наркотизмом в России. — М., 1994. — С.4.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1987. — № 25. — Ст.354.
5. Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2444.
6. Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. — 2011. — № 4. — С. 5—6.
7. Овчинский В.С. О развитии наркоситуации в России: как обезвредить мины на российском наркополе // Наркоконтроль. — 2011. — №1. — С. 11—13.
8. Песчанских Г.В., Плешаков А.А., Черкудинов Д.А. Влияние распространения наркомании и наркопреступности в армейской среде на рост количества преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в армии и на флоте // Наркоконтроль. — 2011. — № 2. — С. 8—11.
9. Федоров А.В. Антинаркотическая политика и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации (теоретический аспект) // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. — М., 2007. — С. 131—137.
10. О Федеральной целевой программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005— 2009 годы: постановление Правительства РФ от 13.09.2005 № 561 // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 38. — Ст. 3820.
11. Иванов В.П. О наркоситуации в Российской Федерации // Наркоконтроль. — 2008. — № 3.
12. Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 38. — Ст. 3820.

13. Основные показатели деятельности наркологической службы в 2010 г. — М., 2011.
14. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации, директора ФСКН России В.П. Иванова на Международной научно-практической конференции «Модернизация финансово-экономического образования» 30 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fskn.gov.ru>.
15. Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.
16. Киржанова В.В. Медико-социальные последствия инъекционного употребления наркотиков в России (Методы оценки и предупреждения): дис. ... д-ра мед. наук. — М., 2009. — С. 140, 260, 261.
17. Наркоиммунитет региона: социально-экономический и медико-биологический аспекты / под ред. В.И. Стародубова, А.И. Татаркина. — М.: Экономика, 2004.
18. Куклин А.А., Быстрай Г.П., Калина А.В. Проблемы исследования наркотизации регионов России. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2005.
19. Социальная стоимость наркомании в Уральском федеральном округе / под ред. Н.Н. Иванца, А.А. Куклина, Е.А. Кошкиной. — Москва, Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006.
20. Влияние наркомании на социально-экономическое развитие общества / под ред. В.И. Стародубова, А.И. Татаркина. — Москва, Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006.
21. Социальная стоимость наркомании в России и ее регионах / Н.Н. Иванец [и др.] // Вопросы наркологии. — 2006. — № 6. — С. 52—63.
22. Социально-экономические аспекты инвалидности / под ред. Ю.В. Михайловой, А.Е. Ивановой. — М., 2006.
23. Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 24. — Ст. 3015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Газизов Дмитрий Анатольевич. Начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Кандидат юридических наук, доцент.

Барнаульский юридический институт МВД России.

Россия, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49. Тел. 8(3852) 379-288.

Gazizov Dmitry Anatolyevich. Chief of chair of administrative law and administrative activities of Law Enforcement Agencies. Candidate of law, assistant professor.

Barnaul Juridical Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 656038, Barnaul, Chkalov Str., 49. Tel. 8(3852) 379-288.

Ключевые слова: наркотические средства; потребление наркотических средств без назначения врача; немедицинское потребление; оборот наркотических средств.

Key words: drugs; drugs using without doctor's order; non-medical consumption; drugs traffic.

УДК 342

М.А. Желудков,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ОТ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

FEATURES OF THE GOVERNMENT PROCESS OF MAINTENANCE OF PROTECTION OF THE PROPERTY RIGHT FROM PROFIT-MOTIVATED CRIMES AGAINST THE PROPERTY

В статье исследуется комплекс актуальных вопросов, связанных с государственным управлением обеспечением защиты от корыстных преступлений против собственности в России.

In article the complex of pressing, questions connected with the government of maintenance of protection against profit-motivated crimes against the property in Russia is investigated.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537, подчеркивается, что Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века, остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений.

Кроме того, в данном документе отмечается, что среди основных источников угроз национальной безопасности продолжают оставаться сохраняющие рост преступные посяательства, направленные против собственности. Государство в лице своих органов постоянно на различных этапах социально-политического, экономического и культурного развития страны ведет поиск стратегий воздействия на такие преступления. И эти стратегии весьма разнообразны. На вооружение

может быть взята комбинация разных стратегий с учетом характера совершаемых преступлений и криминогенной обстановки в целом [7].

В свою очередь, практика воздействий на данные преступления показывает, что сегодня уже недостаточно применять только стратегии уголовно-правовой борьбы с ними или просто продекларировать право на защиту права собственности, закрепив его в отдельных нормах законодательства. Деятельность государственного механизма должна быть направлена на системное обеспечение защиты права собственности для каждого собственника, где не последнюю роль играют вопросы управления проводимыми мероприятиями.

Зарубежные государства давно переняли ранее успешно применявшуюся в СССР практику управленческой деятельности государственных структур с помощью различных механизмов социального контроля и защиты населения. С конца 80-х годов прошлого века во многих западноевропейских странах в полной мере осуществляются отдельные аспекты защиты населения, консультируются граждане по проблемам эффективной защиты от преступников, оперативно решаются социальные проблемы и конфликты [5].

Анализ существующей в России концепции и структуры защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности явно свидетельствует о недостаточности именно государственного управления настоящим процессом. Слабое внимание к этой проблеме во многом происходит от недооценки ее значения.

По нашему мнению, управление обеспечением института защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности должно быть в центре внимания органов власти не только в виде теоретического осмысления, но и как особая практическая задача. Практическая деятельность системы защиты права собственности невозможна без четкого взаимодействия и согласованности всех элементов системы, в которой каждый играет свою роль, но ни один не может полностью обеспечить реализацию вопросов по абсолютной защите. Существенного внимания заслуживает организация данного процесса, которая базируется именно на категории управления — организационной структуре управления — и представляет единство уровней, звеньев управления в их взаимодействии и подчиненности [10].

Проблемы соотношения понятий «организация» и «управление» выходят за рамки нашего исследования. Полагаем, не стоит вступать в дискуссию о том, какое из этих понятий является более ёмким. Для практики системного применения обеспечения и защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности более важно осознавать, что, «исследуя проблемы организации, мы всегда изучаем и проблемы управления» [1].

В литературе обоснованно отмечается: «Суть организации того или иного вида деятельности состоит в том, что каждый, приступая к соответствующей работе, имея для этого необходимые права и неся в их пределах всю полноту ответственности, занимался бы своим делом» [6].

Организационная деятельность предполагает такое упорядочение, которое позволит достичь поставленной цели с наибольшей эффективностью. Она предполагает сознательную деятельность, направленную на упорядочение состояния тех или иных социальных образований [3].

При управлении ведущей процедурой является процесс *принятия решения*, т.е. некоторый формализованный или неформализованный выбор, позволяющий достичь определенной цели (выполнить необходимую функцию) или продвинуться в ее достижении [11].

По понятию управления в литературе приводится достаточно широкий спектр позиций.

Например, в отдельных источниках под управлением понимается «сознательное, на достоверном знании основанное систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) для обеспечения эффективного функционирования системы, достижения поставленной цели» [2].

По другим мнениям, управление — это «различные способы воздействия субъекта (субъектов) на объект (объекты), изменяющие положение, поведение и свойства субъекта (субъектов)» [12].

Обобщение теоретических позиций позволило выявить более многогранные значения управления, например:

«Управление есть функция организованных систем различной природы (биологических, технических, социальных), обеспечивающая их целостность, т.е. достижение стоящих перед ними задач, сохранение их структуры, поддержание должного режима деятельности.

Управление — внутреннее качество целостной системы, основными элементами которой являются субъект (управляющий элемент) и объект (управляемый элемент), постоянно взаимодействующие на началах самоорганизации (самоуправления).

Управление — целенаправленное упорядочивающее воздействие, реализуемое в связях между субъектом и объектом и осуществляемое непосредственно субъектом управления.

В процессе управления находят свое непосредственное выражение его функции, определяемые природой и назначением управленческой деятельности. Это означает, что управление имеет функциональную структуру» [4].

В свою очередь, в любом обществе существует множество разновидностей деятельности, подпадающих под категорию управления, например, управление автотранспортом, железнодорожным движением. В рамках нашего исследования речь идет не о личном, персональном занятии субъектов, а об управлении на уровне воздействия на определенные общественные процессы с использованием публичной государственной власти от имени общества.

Общество представляет собой сложную систему процессов регуляции и саморегулирования. Поэтому вмешательство в эти процессы должно быть точечным, направленным на устранение недостатков развития именно объекта воздействия. В контексте нашего исследования объектом управления выступают системы обеспечения и защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности.

В соответствии с действующим законодательством основным субъектом управления обеспечения безопасности, а значит и защищенности права собственности, в том числе от корыстных преступлений против собственности, является государство, осуществляющее управленческие функции в этой области через законодательные, исполнительные и судебные органы. Данный вывод можно сделать по следующим основаниям.

- во-первых, каждое государство самым непосредственным образом заинтересовано в защищенности права собственности, создавая возможности по ограждению его от внешних и внутренних посягательств;

- во-вторых, государство выражает интересы всех собственников, что делает возможным наделение его полномочиями по защите права собственности от имени всех собственников;

- в-третьих, государство имеет в своем распоряжении совокупно большие возможности по обеспечению защиты, чем отдельный собственник, что предполагает наличие соответствующей обязанности управления.

Таким образом, именно государственное управление должно регулировать создание и совершенствование систем обеспечения и защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности.

В данном контексте, под **государственным управлением** (англ. *public administration*) следует понимать деятельность уполномоченных органов государственной власти и соответствующих должностных лиц по практической реализации сформированного политического курса в обеспечении и защите права собственности с использованием надлежащих властных процедур.

Теория государственного управления применяет три основных подхода к формированию принципов данной деятельности:

- правовой;
- политический;
- менеджеристский (управленческий) [9].

В рамках первого подхода основными принципами государственного управления являются защита прав граждан, публичное право распоряжения и сила, обеспечивающая исполнение решений в области защиты права собственности.

Политический подход определяется тем, что возможности по применению государственных управленческих решений сосредоточены в структуре определенных институтов политической системы, где закреплён приоритет государственных интересов над иными интересами.

И, наконец, в непосредственном управленческом подходе реализуются следующие принципы данной деятельности:

- единство руководства, конкретность в постановке задач и исполнительность при выполнении решений;
- необходимая степень подчиненности и централизации управления по субъектам защиты права собственности;
- взаимная связь управленца и исполнителя;
- действенность получения соответствующего результата.

Эффективность такого управления зависит и от ряда требований, которые в литературе представлены следующим образом:

1) требования, вытекающие преимущественно из управленческой сущности решения: научная обоснованность и компетентность, актуальность и своевременность, преемственность части по отношению к целому, а целого к системе;

2) требования, вытекающие преимущественно из правовой природы управленческих реше-

ний: законность, полномочность и властность, согласованность;

3) требования, вытекающие преимущественно из функционального назначения решения как команды к действию: непротиворечивость, стройность и логичность, ясность и простота, конкретность и лаконичность [8].

С учетом этих требований нами выделены следующие **направления государственного управления системой криминологического обеспечения защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности**:

- государственная политика в сфере защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности, которая должна быть направлена на эффективное использование средств и способов обеспечения законности и защиты прав участников общественных отношений собственности от такой угрозы;

- создание и финансирование государственных программ преобразования и реформирования защиты общественных отношений собственности от корыстных преступлений против собственности;

- планирование направлений и способов защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности, в которые включены основные идеологемы федеральной политики в интересах защиты общественных отношений собственности от данных преступлений;

- разработка и закрепление в обществе идеалов и ценностей уважения чужой собственности, соответствующих правил поведения и деятельности по отношению к ней органов власти, учитывающих интересы всех собственников, обусловленных сложившейся системой общественных отношений.

С учетом системной основы обеспечения защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности нами предлагается принятие соответствующего алгоритма деятельности органов государственного управления:

- определение основной цели или дерева целей обеспечения и защиты, выработка стратегии действий по ее достижению и формулирование концепции систем обеспечения и защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности на территории РФ и отдельных регионов, а также в отдельном имущественно-территориальном комплексе;

- внесение изменений в нормативно-правовые документы по обеспечению защитных мероприятий;

- координация деятельности органов власти Российской Федерации и местного самоуправления в области защиты права собственности от данных преступлений;

- определение гарантий реализации защитных мер предприятиям, учреждениям, организациям всех форм собственности, а также общественным организациям и частным лицам, в основе которых лежит не стремление поста-

вить других людей в одностороннюю зависимость от себя, искусственно поднять свой статус, усилить свое влияние, а сплочение общества на основе четкого осознания стоящей перед каждым собственником цели и активная, квалифицированная, добросовестная деятельность во имя ее достижения;

- формирование организационного порядка в реализации обеспечения защиты права собственности, т.е. системы относительно стабильных, долговременных иерархических связей, стандартов, норм, регулирующих взаимодействие между субъектами по поводу осуществления их функций при угрозе от корыстных преступлений против собственности;

- разработка и осуществление технологии изменений, где эффективность обеспечения в решающей степени определяется способностью к изменениям, умением воспринимать их необходимость, а также своевременно и быстро принимать решения;

- разработка средств и методов контроля за выполнением решений, определение и применение стимулов их эффективного исполнения, а также санкций против субъектов обеспечения и защиты, недостаточно эффективно выполняющих поставленные цели и задачи.

Предлагаемые мероприятия не действуют в отрыве друг от друга, а в процессе своего взаимодействия образуют более или менее целостное содержание структуры государственного управления процессом обеспечения защиты права собственности от корыстных преступлений против собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Г.А. Криминология. — М., 1984. — С. 452.
2. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. — М., 1975. — С. 118.
3. Быргэу М.М., Литвинов А.Н. Опыт системного исследования профилактики преступлений: современное состояние проблемы. — М., 2004. — С. 63.
4. Информационный и образовательный юридический портал «ЗАКОН СЕГОДНЯ». — URL: <http://www.lawtoday.ru/razdel/biblo/adminprav/003.php> (дата обращения: 16.01.2011).
5. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. — М., 1997. — С. 205—206.
6. Кириллов С.И. Общеуголовная корыстно-насиленная преступность: проблемы теории и методологии. — Коломна, 1999. — С. 191.
7. Кудрявцев В.Н. Стратегия борьбы с преступностью. — М., 2003. — С. 48.
8. Маилян С.С. Подготовка и принятие управленческих решений в органах внутренних дел: опыт системного исследования групповых форм. — М., 2000. — С. 79—80.
9. Википедия — свободная энциклопедия. — URL: <http://ru.wikipedia.org>. (дата обращения: 12.01.2011).
10. Сомин В.Н. Социальное управление предупреждением преступности: введение в теорию. — Иркутск, 1990. — С. 132.
11. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М., 1978. — С. 103—104.
12. Чиркин В.Е. Государственное и муниципальное управление: учебник. — М.: Юристъ, 2003. — С. 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Желудков Михаил Александрович. Начальник кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: kandydat1@tamb.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53. Тел. (473 2 62 32 86).

Geludkov Michael Alexandrovich. The chief of chair of criminal law and a criminology. Candidate of law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: собственность; право собственности; государственное управление; обеспечение защиты от корыстных преступлений против собственности; организация.

Key words: the property; the property right; the government; maintenance of protection against profit-motivated crimes against the property; the organization.

УДК 343.375

С.Р. Микаутадзе,
кандидат юридических наук

ИНСТИТУТ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

INSTITUTE OF PLURALITY OF CRIMES IN THE LIGHT OF THE TRENDS OF REFORM OF CRIMINAL LEGISLATION

В работе на основе анализа института множественности преступлений обосновывается вывод о необходимости его совершенствования. Аргументировано мнение автора о повышенной степени общественной опасности преступлений, совершенных лицом в виде преступного промысла.

In the work, on the basis of the analysis of the Institute of plurality of crimes, the conclusion of the necessity of its improvement. The arguments to the views of the author about the high degree of social danger of the crimes committed by the person in the form of criminal fishery.

Как известно, 8 декабря 2003 года Федеральным законом №162-ФЗ законодатель исключил признак неоднократности преступлений из УК РФ, оставив в содержании института множественности преступлений признаки совокупности и рецидива преступлений.

Аргументов принятия подобного решения было несколько. Однако принципиальным из них был вывод о несоответствии признака неоднократности преступлений конституционному запрету повторного осуждения за одно и то же преступление. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 19 марта 2003 года №3-П признал, что «по смыслу уголовного закона, при назначении наказания исключается как возможность повторного учета судимости в случаях, когда она указывается в качестве самостоятельного квалифицирующего признака состава преступления, так и возможность ее двойного учета в случаях, когда через судимость раскрываются содержащиеся в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса Российской Федерации понятия “неоднократность преступлений” или “совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление”. Иное истолкование соответствующих положений, как противоречащее статьям 50 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, является недопустимым, а основанные на нем ошибочные правоприменительные решения должны

исправляться вышестоящими инстанциями судов общей юрисдикции» [1].

Действительно, в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых признак неоднократности являлся квалифицирующим, предусматривалось более строгое наказание по сравнению с теми случаями совершения преступлений, за которые в соответствующей статье УК признак неоднократности отсутствовал. Причем влияло это именно на дифференциацию наказания, поскольку неоднократность определяла категорию тяжести совершенного преступления.

Данное правило распространялось и на случаи совершения судимым лицом нового преступления в период срока действия судимости, когда наказание за первое преступление лицом уже отбыто, однако факт непогашенной судимости существенно влиял на наказание за вновь совершенное преступление. По мнению А. Тулаева, в данном случае имеет место скрытая форма двойного наказания за одно и то же деяние: «лицу, совершившему преступление неоднократно, назначают более строгое наказание, которым охватывается в том числе и судимость за ранее совершенное тождественное преступление (так как в данном случае судимость является составной частью неоднократности), и сверх этого наказание еще более усиливается применением правил назначения наказания при рецидиве преступлений» [2].

Следует признать, что существование в законе признака неоднократности в рамках института множественности преступлений в силу вышеуказанных обстоятельств было, как минимум, дискуссионным.

Начиная с декабря 2003 года признак неоднократности исключен из норм отечественного уголовного права. По действующему Уголовному кодексу Российской Федерации часть положений, ранее расцениваемых как неоднократность, отнесена к совокупности преступлений, а часть — к рецидиву.

Неоднократность более не выполняет роли квалифицирующего признака, что в ряде случаев, возможно, облегчает решение вопросов, связанных с квалификацией преступлений. Каждый эпизод преступной деятельности в соответствии с действующим уголовным законом подлежит самостоятельной правовой оценке. Так, скажем, двадцать фактов краж, при отсутствии других квалифицирующих признаков, следует квалифицировать не по ч. 2 ст. 158 УК РФ — кража, совершенная неоднократно, как ранее, а двадцать раз по ч. 1 ст. 158 УК РФ по совокупности преступлений. Назначение наказания по правилам, предусмотренным ст. 69 УК РФ, производится путем полного или частичного сложения наказаний или поглощения менее строгого более строгим наказанием. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений. В рассмотренном выше случае оно будет составлять всего три года лишения свободы.

Очевидно, что назначение наказания по правилам совокупности преступлений не отвечает общественным интересам и задачам борьбы с преступностью, так как несопоставимо с криминологическими реалиями, на что незамедлительно и бурно отреагировали представители правоохранительных органов, а также научной общественности.

А.Н. Игнатов пишет, что исключение института неоднократности из УК РФ приведет к резкому смягчению наказания за систематическое совершение преступлений, не являющихся тяжкими, но достаточно распространенных, систематизирующих, таких как кражи, мошенничества, грабежи и т.д. [3]. А ведь, как справедливо отмечает Э.Ф. Побегайло, «данные преступники и составляют “элиту” криминального мира, являются распространителями и пропагандистами криминальной идеологии и субкультуры». «Исключение института неоднократности из Уголовного кодекса России и предложение значительных льготных условий при признании рецидива, в том числе опасного и особо опасного, прямо противоречит весьма важной задаче противодействия профессиональной, групповой и организованной преступной деятельности, снижая возможности уголовных репрессий в отношении наиболее изощренных и общественно-опасных преступников — представителей элиты криминального мира», — пишет ученый [4].

Совершенно нелогично и труднообъяснимо снижение размеров санкций в виде лишения свободы за типичные для профессионально-преступной деятельности преступления, такие как кража, мошенничество, грабеж. Никак не соотносится с принципом справедливости то обстоятельство, что максимальный срок уголовного наказания за совершение, например, двадцати неквалифицированных краж, предусмотренных ч. 1 ст. 158 Уголовного кодекса РФ, по существующим правилам назначения наказаний по совокупности преступлений равен всего лишь 3 годам лишения свободы. Хотя представляется абсолютно очевидным тот факт, что двадцать карманных краж являются не менее общественно опасным деянием, чем, например, факт единичного хищения, но на миллион рублей.

Следует отметить, что разнообразные альтернативные наказания, — например, штраф либо обязательные или исправительные работы — на самом деле никакой альтернативы не создают «в силу общеизвестного отсутствия у воров собственности и запрета на заработок честным трудом» [5].

Большие сомнения вызывает целесообразность и справедливость того, что например, за разбойное нападение с применением оружия с признаками особо опасного рецидива (ч. 2 ст. 162 УК РФ) закон не гарантирует усиление наказания. Правило о назначении наказания при особо опасном рецидиве преступлений, закрепленное в ч. 2 ст. 68 УК РФ, здесь просто не действует, поскольку нижний предел санкции за квалифицированный разбой по ч. 2 ст. 162 УК РФ (5 лет лишения свободы) больше, чем «одна третья часть максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершение преступления» (четыре года лишения свободы).

Данные факты подтверждают тезис о том, что институт множественности преступлений в действующей его редакции излишне либерален и более не создает предпосылок для эффективного решения задач, связанных с противодействием наиболее опасным разновидностям преступной деятельности.

В подобной ситуации многие исследователи, критически оценив подобные преобразования в сторону ослабления уголовно-правовой борьбы с такими видами преступности как профессиональная, групповая, организованная, предложили свои варианты устранения допущенного недостатка законодательной регламентации.

Э.Ф. Побегайло пишет, что «выход из создавшегося положения был. Часть 3 статьи 16 УК РФ также можно было изложить в следующей редакции: “В случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена в статьях Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, каждое из образующих неоднократность преступлений квалифицируется самостоятельно. Все эти деяния одновременно образуют также совокупность преступлений (ст. 17 Настоящего кодекса)” [4].

Р.Р. Галиакбаров предлагает восполнить возникший пробел, восстановив в прежней редакции

ч.ч.1 и 3 ст. 16 УК РФ. «Изыятие же из этой статьи части 2 является, на наш взгляд, обоснованным. Именно она создавала избыточные сложности при практическом применении закона» [6]. То есть ученый, по сути, предлагает исключить положение лишь: 1) о «рецидивной» неоднократности, как, например, п. «в» ч. 4 ст. 158 УК РФ, где предусматривалась ответственность за кражу, совершенную лицом, ранее два или более раза судимым за хищение или вымогательство, и 2) о «родовой» неоднократности (примечание 3 к ст.158 УК РФ). «Применение их противоречит принципу справедливости», — отмечает он [6].

При всем уважении к авторам высказанных точек зрения и в целом соглашаясь с их обоснованностью, стоит признать, что возврат к институту неоднократности преступлений в условиях правовой действительности практически невозможен и вряд ли целесообразен. Во-первых, существенно видоизмененный институт неоднократности преступлений наверняка вызвал бы трудности у правоприменителя с уже сформировавшимся пониманием правовой сути данного признака, правил его назначения и применения. Однако значительно важнее то, что возврат к неоднократности преступлений не будет соответствовать концепции реформирования уголовного закона, одной из тенденций которой является явное смягчение репрессивной функции уголовного права.

Действительно, сомнительно и криминологически необоснованно признавать повышенную общественную опасность двух преступлений небольшой или средней тяжести, совершенных одним лицом. Кроме того, следует согласиться, что крайне несправедливо и совершенно недопустимо назначать достаточно суровые наказания в виде лишения свободы за неоднократно совершенные малозначительные противоправные деяния, формально содержащие признаки преступлений небольшой или средней тяжести. Так, например, ранее судимый за хищение велосипеда и банок с соленьями П. был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 4 годам лишения свободы за неоднократно, совершенную кражу алюминиевого бидона стоимостью 350 рублей [7].

Представляется, именно в этом была самая большая претензия к признаку неоднократности преступлений, и реформирование уголовного закона в направлении либерализации уголовной ответственности за преступления, совершенные неоднократно в этом смысле, безусловно, оправданно.

Результаты исследования убеждают в необходимости предложения другого варианта решения проблемы.

Представляется, что наиболее криминологически обоснованным будет предложить ввести в Уголовный кодекс РФ в качестве уголовно-правовой меры, наиболее адекватно обеспечивающей дифференцированный законодательный подход к уголовно-правовой оценке преступлений, совершаемых с признаками преступной деятельности, и, прежде всего, ее наиболее социально опасной формы — профессионально-

преступной деятельности, уголовно-правовой признак «преступный промысел».

Следует признать, что детерминированная, возможно, самыми важными для определенного типа людей, жизненностойкими, и в связи с этим неискоренимыми, мотивами на ведение преступного образа жизни преступная деятельность данных преступников зачастую выражается в совершении не двух или трех, а гораздо большего числа преступлений, образующих систему взаимосвязанных противоправных актов, обладающих характерными качественными и количественными признаками. Это вытекает из социальной природы профессионально-преступной деятельности и объясняется ее объективными свойствами.

Повышенная степень общественной опасности данного множества преступлений, совершенных одним лицом или группой лиц, социально обоснованна и очевидна. Вред, причиненный общественным отношениям совершением, например, десяти преступлений с признаками преступной деятельности одним лицом, больше, чем совершением ничем не связанных друг с другом преступлений. Данная характеристика общественной опасности, думается, связана с наличием в преступной деятельности установленных нами признаков, в том числе характеризующих личность преступника.

Законодатель не отказался от критерия «опасность личности преступника» при оценке степени общественной опасности преступления. Анализ норм действующего уголовного закона позволяет с уверенностью утверждать, что такие квалифицирующие признаки общественно-опасных деяний, как «особая жестокость», «хулиганские побуждения» и др., являются выражением социально одобряемой воли законодателя признать повышенную степень общественной опасности личности преступника в совершаемых им преступлениях.

Высказанная точка зрения может быть подвергнута серьезной критике со стороны ученых. Действительно, начиная с 2003 года, когда законодатель отказался от понятий «особо опасный рецидивист», «неоднократность преступлений», было очевидно и закономерно предположить, что признак преступления «общественная опасность» более не связан с характеристикой личности преступника, его совершившего.

Исключение признака неоднократности преступлений из уголовного закона стало для многих ученых знаковым событием. Большинство увидело в этом принципиальный подход реформирования института множественности преступлений и уголовного законодательства в целом. Представители научной общественности стали высказывать мнения о том, что вообще общественная опасность преступления более не является определяющим признаком, от которого следует отказаться, отдав предпочтение признаку противоправности. Критериями криминализации могут выступать лишь характеристики деяния, но не личности преступника. И в случае, например, совершения десяти краж одним и тем же лицом вред, причиненный обще-

ственным отношениям, должен определяться независимо от обстоятельств какой-либо связи между данными деяниями, а размер наказания — путем сложения сроков санкций за каждое из совершенных преступлений. То есть размер наказания лицу, совершившему десять краж, не должен и не может отличаться от суммы размеров наказаний, если бы они были назначены десяти разным преступникам за совершение каждым из них самостоятельно такой кражи. Отсюда размеры наказаний, столь привычные для практики западного судопроизводства — пятьдесят, сто, сто пятьдесят лет лишения свободы и т. п.

Частично соглашаясь с логикой и рациональностью подобных суждений, все же позволим себе отметить их спорность.

Рассуждая на тему эффективности и функциональности уголовно-правовых моделей правового регулирования, известный специалист в области уголовного права А.В. Наумов пишет: «... Дело в том, что западная уголовно-правовая наука не столько отвергает признак общественной опасности, сколько следует своей законодательной традиции» [8]. По мнению ученого, без учета общественной опасности как внутренней характеристики деяния, определение преступления будет «недосказанным».

Считает некорректным говорить о том, хорош или плох признак общественной опасности в определении преступления, другой видный ученый, В.П. Ревин. По его мнению, отказаться от данного признака в УК РФ нельзя из-за традиций, а также сопротивления, оказываемого прошлыми теоретическими разработками. По мнению ученых, необходимо не отказываться, а изменить традиционное для советской науки уголовного права соотношение материальных и формальных признаков в определении преступления. По мнению А.В. Наумова, следует отказаться от принятой трактовки взаимосвязи этих признаков, когда в основу определения кладется материальный признак, а производным от него объявляется формальный. Общественная опасность должна существовать лишь в рамках формального признака преступления [8].

С момента отмены в УК РФ понятий «особо опасный рецидивист», «неоднократность преступлений» прошло почти десять лет, однако воплотиться в концепцию данным изменениям было не суждено. По нашему мнению, как минимум по двум причинам: во-первых, поскольку это невероятно сложно сделать в рамках сформированного десятилетиями правосознания; во-вторых, из-за нецелесообразности ломки существующих традиций уголовно-правового регулирования. Повысить уровень функциональности уголовного закона возможно благодаря поиску новых механизмов функционирования уголовно-правовых норм при сохранении и устойчивом развитии принципов отечественного уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей правовые последствия судимости, неоднократности и рецидива преступлений / Постановление Конституционного Суда РФ №3-П от 19.03.2003 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Тулаев А. При неоднократности преступлений двойное наказание недопустимо // Российская юстиция. — 2003. — №9. — С. 57.
3. Игнатов А.Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. — 2003. — №9. — С. 25.
4. Побегайло Э.Ф. Кризис современной уголовной политики // Уголовное право. — 2004. — №4. — С. 114.
5. Корецкий Д. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. — 2004. — №5. — С. 4.
6. Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами // Уголовное право. — 2004. — №2. — С. 16.
7. Самылина И. Проблемные вопросы квалификации и назначения наказания при рецидиве // Российская юстиция. — 2002. — №6. — С. 37.
8. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. — М.: БЕК, 2006. — С. 198.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Микаутадзе Сергей Романович. Начальник кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Mikautadze Sergey Romanovich. Chief of the chair of criminal process. Candidate of legal sciences.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: множественность преступлений; уголовный закон; неоднократность; преступный промысел; совершенствование; общественная опасность.

Key words: a plurality of crimes; criminal law; repeated; criminal craft; improvement; public danger.

УДК 343.375

В.Ю. Стромов,
кандидат юридических наук,
Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

М.Ю. Дворецкий,
кандидат юридических наук, доцент,
Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

CRIMINAL LEGAL PRINCIPLE OF EQUALITY IN AN EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY

В статье рассматривается уголовно-правовой принцип равенства в контексте эффективной реализации уголовной ответственности. Аргументируется необходимость совершенствования некоторых правовых норм. Дана характеристика текущего состояния учения об уголовной ответственности.

The article deals with the criminal law principle of equality in the context of effective implementation of criminal justice. Discusses the need to improve some legal provisions. The authors characterize the current state of the theory of criminal liability.

Необходимость теоретического исследования уголовной ответственности определяется целым рядом факторов методологического, естественнонаучного, социально-политического, экономического, правового, нравственно-этического характера. В методологическом отношении проблема предполагает диалектический, системный, комплексный подход. Это требует придерживаться принципов взаимосвязи, причинной обусловленности правовых явлений экономическими, социально-политическими, естественнонаучными, духовными факторами развития общества, историзма в изучении социальных явлений. Первоосновой методологии исследуемого феномена выступает диалектический подход в анализе проблем уголовной ответственности и практики ее реализации. Уголовная ответственность — это уголовно-

правовая форма разрешения социальных противоречий между обществом и государством, обществом и личностью, между ними посредством государственной власти. Диалектический, системный подход обеспечивает научное обоснование социальной сущности, теории и практики ее реализации. Уголовная ответственность — мера государственного принуждения — является правовой формой вынужденного признания государством наличия в обществе антагонистских противоречий, неспособности власти устранить причины и условия преступности, обеспечить безопасность общества и защитить законные права и свободы личности от общественно опасных посягательств.

В уголовно-правовой теории, законодательской и правоприменительной практике в основном уделяется внимание лишь отдельным

аспектам и проблемам учения об уголовной ответственности. В литературе недостаточно попыток исследовать учение о ней на методологическом уровне, выявить общие закономерности. Недопустимо отрывать данный уголовно-правовой институт от естественнонаучных, экономических, социально-политических и духовных факторов общественного развития. В естественнонаучном плане его исследование предполагает рассмотрение социально-психологических и психофизиологических аспектов. Уголовное право не может игнорировать биологические, философские основы учения, так как невозможно понять сущность, механизм воздействия на подсознание, сознание и поведение лица, несущего ее. В экономическом плане уголовная ответственность как мера принуждения предполагает обусловленность преступности, преступления, а, следовательно, и ее сущности, противоречием между производительными силами общества и его производственными отношениями, выступая социально-политической и юридической формой их разрешения. Именно поэтому тема уголовной ответственности является особо актуальной проблемой.

Уголовная ответственность, будучи формой и средством разрешения социальных противоречий, является одновременно и причиной других конфликтов между обществом и личностью. Ее социально-экономическая сущность состоит в правовых формах экономического принуждения. Определенные формы производственных отношений порождают преступность как массовое социальное явление и принуждение, уголовную ответственность как ответную реакцию государства на преступление. Возрастающая потребность в уголовной репрессии требует все более тщательного теоретического осмысления и законодательного закрепления понятия, сущности уголовной ответственности, ее системы, разработки принципов и правового механизма эффективной реализации. Важной является проблема ее места и роли как государственного принуждения в системе экономических, морально-политических, идеологических и юридических мер правового регулирования. Для теории уголовного права характерны многообразие, противоречия, борьба противоположных концепций и позиций по ключевым и частным вопросам. Это не может не сказываться на состоянии правоприменительной практики, ее эффективности.

Охрана соответствующих интересов от преступных деяний осуществляется путем угрозы уголовной ответственностью, ее возложением на виновных лиц. В связи с этим важно, чтобы она как фактор, удерживающий граждан от совершения преступлений, была максимально ясной. В

то же время следует исключить из уголовной ответственности те аспекты, которые не обеспечивают решения задач, стоящих перед УК РФ. Это предполагает необходимость исследования данной категории, где особая роль принадлежит проблеме ее основания. Когда оно обеспечивает решение задач уголовного права, законодательство эффективно работает в интересах конкретной личности, общества и государства. Если оно не соответствует этим требованиям, то уголовная ответственность не в состоянии оптимально их обеспечивать, начиная фактически противоречить декларируемым задачам, реально препятствуя формированию правового государства.

Понятие уголовной ответственности в уголовном законе не раскрывается и является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в науке уголовного права. В отечественной теории представлены разнообразные мнения по поводу понимания уголовной ответственности как:

- обязанности лица, которое совершило общественно опасное деяние, нести наказание, состоящее в лишениях личного или имущественного характера;

- зафиксированных в уголовном законе неблагоприятных последствий для лица, совершившего преступление, в дальнейшем приводящих к осуждению, сочетающемуся с наказанием или судимостью, или не сочетающемуся с ними;

- непосредственно уголовно-правового отношения, появляющегося в момент совершения общественно опасного деяния, субъектами которого становятся государство и виновное лицо (позиция Я.М. Брайнина [1], А.И. Санталова [2]).

При анализе глав 11 и 12 УК РФ можно сделать вывод о том, что уголовная ответственность и наказание — это не тождественные понятия, так как освобождение от наказания не означает освобождение от уголовной ответственности. В отечественной науке превалирует мнение, что уголовная ответственность представляет собой государственное воздействие на виновное лицо, которое совершило общественно опасное деяние, обязательно предполагающее предусмотренность в уголовно-правовой норме, принудительность со стороны государства, реализацию при вступлении в силу общественного приговора суда.

В уголовном законе непосредственно указывается на основание уголовной ответственности, на установление всех признаков состава преступления в деянии, совершенном лицом (ст. 8 УК РФ). Таким образом, УК РФ разрешил спорные вопросы, закрепив, что наличие в деянии состава преступления является единственным и достаточным основанием уголовной ответственности, а состав преступления может иметь место только в деянии, характеризуемом как общественно опасное, противоправное и виновное.

В теории уголовного права есть разные мнения по поводу возникновения, реализации и прекращения уголовной ответственности. На основании анализа УК РФ можно констатировать, что:

- уголовная ответственность возникает в момент совершения лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления;

- реализация уголовной ответственности проходит несколько этапов в пределах уголовного процесса, включающего привлечение лица в качестве обвиняемого, вынесение обвинительного приговора суда о назначении наказания или без назначения наказания, исполнения наказания по приговору суда;

- уголовная ответственность лица прекращается с погашением или досрочным снятием судимости, а также при освобождении от уголовной ответственности в момент реального применения данного освобождения.

Уголовный кодекс РФ в отличие от предыдущих отечественных нормативных актов непосредственно зафиксировал принципы уголовного права. Филология рассматривает термин «принцип» (от латинского *principium*) как «основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки» [3]. Таким образом, принципы уголовного права можно определить как выраженные в законе исходные, нормативно закрепленные руководящие начала, в которых проявляется уголовная политика государства. До принятия УК РФ необходимость наличия в уголовном законе принципов уголовного права обсуждалась научной общественностью (Н.В. Васильев, Ю.А. Демидов, Н.И. Загородников, С.Г.Келина, А.И. Коробов, В.Н. Кудрявцев, Г.А. Кригер [4—9], Т.А. Лесниевски-Костарева, Ю.И. Ляпунов, М.Х. Муздубаев, А.Б. Сахаров, П.А. Фелов и др.), в том числе и после опубликования проекта Основ уголовного законодательства Союза ССР и проекта УК РФ, где они впервые перечислялись. В ст. 3—7 УК РФ раскрывается и их содержание. Принципы выделяют общие закономерности развития отечественного уголовного права, устанавливают пути совершенствования уголовно-правовых норм, являются направляющими идеями для правотворчества.

Уголовно-правовой принцип равенства пред законом является общеправовым. Равенство российских граждан во всех сферах общественной жизни провозглашается Конституцией РФ: «Все равны перед законом и судом» (ст. 19 Конституции РФ). Часть 1 ст. 19 Конституции РФ определяет равноправие как равенство всех перед законом и судом. В законе конкретизируются конституционные права и свободы человека и гражданина. При этом суд является наиболее эффективным средством защиты и восстановления прав и свобод в случае спора или факта их нарушения.

В соответствии со ст. 4 УК РФ «лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Данный принцип также декларирует, что никакие обстоятельства, факторы и условия не могут повлиять на равенство перед уголовным законом всех лиц и каждого из них в отдельности в случае совершения ими преступления. Ничто не должно создавать ни для кого определенных привилегий или, наоборот, ухудшать положение человека по отношению к другому лицу при применении уголовного закона. Преступник и законопослушные граждане должны быть уверены в том, что уголовная ответственность за содеянное рано или поздно наступит.

Представляется необходимым отметить некоторое несовершенство названия ст. 4 УК РФ, где говорится о равенстве «граждан», хотя должно быть сказано о равенстве всех людей перед уголовным законом. Таким образом, уголовно-правовая трактовка этого общеправового принципа требует от законодателя изменения названия для приведения в соответствие содержания с наименованием.

Принцип равенства подтверждается рядом норм Особенной части УК, предусматривающих ответственность за нарушение равноправия граждан, за другие посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина, за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Поэтому равным образом должны нести уголовную ответственность как лица, принадлежащие к национальности, преобладающей по численности в данном административном или национально-территориальном регионе, так и представители национальных меньшинств.

Не должно оказывать влияние на характер и степень уголовной ответственности и имущественное положение, то есть одинаковую ответственность должны нести очень обеспеченные люди и лица с минимальными средствами к существованию, которые проживают по определенному адресу постоянно, имеющие надлежаще оформленные документы, и люди без определенного места жительства.

Положение о равенстве перед уголовным законом лиц независимо от должностного положения исключает возможность избежать уголовной ответственности или существенно смягчить ее для лиц, которые занимают высокопоставленные руководящие должности. Не нарушает данного принципа и принадлежность к определенному общественному объединению или нахождение в нем на руководящих постах.

Под иными обстоятельствами, не нарушающими равенство всех перед уголовным законом, необходимо понимать возможность влияния на судей или других работников правоохранительных и контролирующих органов представителей властных государственных структур.

Из рассматриваемого принципа существует целый ряд законодательных исключений. Так, в Конституции РФ, федеральных законах, нормах международного права предусмотрен особый порядок привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, обусловленный особенностью их правового статуса. Но, тем не менее, и для них уголовная ответственность наступает после преодоления оговоренных препятствий. На практике данные исключения часто становятся личной привилегией этих лиц, что неправомерно и делает необходимым дальнейшее совершенствование уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. — М.: Юрид. лит., 1963 — 345 с.

2. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — 96 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1999. — С. 595.

4. Васильев Н.В. Принципы советского уголовного права. — М.: Юрист, 1983. — 60 с.

5. Демидов Ю.А. Основные принципы советского уголовного права. Вопросы борьбы с преступностью. — М.: Юрид. лит., 1969. — 95 с.

6. Загородников Н.И. Принципы советского уголовного права // Советское государство и право. — 1966. — № 5. — 97 с.

7. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. — М.: Наука, 1988 — 173 с.

8. Коробов А.И. Советская уголовно-правовая политика. — Владивосток, 1987. — 147 с.

9. Кригер Г.А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. — 1981. — №2. — 120 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Стромов Владимир Юрьевич. Начальник экономико-правового управления. Доцент кафедры уголовного права и процесса. Кандидат юридических наук.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

E-mail: vladimir_stromov@mail.ru

Россия, 392000, Тамбов, Интернациональная, 33, кв. 208. Тел. (4752) 72-36-62.

Дворецкий Михаил Юрьевич. Профессор кафедры уголовного права и процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина.

E-mail: dvoreckiy@tamb.ru

Россия, 392000, Тамбов, Интернациональная, 33, кв. 102. Тел. (902) 72-42-247.

Stromov Vladimir Yuryevich. Head of Economics and Law Department. Assistant professor of chair of Criminal Law and Process. Candidate of Law.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Work address: Russia, 392000, Tambov, Internationalnaya Str., 33, r. 208. Tel. (4752) 72-36-62.

Dvoretzky Mikhail Yuryevich. Professor of chair of Criminal Law and Process. Candidate of Law, assistant professor.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Work address: Russia, 392000, Tambov, Internationalnaya Str., 33, r. 102. Tel. (902) 724-22-47.

Ключевые слова: уголовная ответственность; оптимизация уголовной ответственности; наказание; эффективность наказания.

Key words: criminal responsibility; optimization of criminal responsibility; punishment; punishment effectiveness.

УДК 343.2/.7

А.В. Лубенков,
*Могилевский высший
колледж МВД Республики
Беларусь*

О.С. Яковичский,
*Могилевский высший
колледж МВД Республики
Беларусь*

А.Н. Бочкарев,
*Могилевский высший
колледж МВД Республики
Беларусь*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЬЯНСТВУ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

SOME ASPECTS OF COMBATING HARD DRINKING IN PUBLIC PLACES: CURRENT SITUATION AND PROSPECTS

В статье авторы поднимают отдельные проблемные вопросы противодействия органов внутренних дел Республики Беларусь пьянству в общественных местах. Разработаны теоретические положения, направленные на совершенствование правового регулирования общественных отношений, складывающихся при противодействии пьянству. Обоснованы предложения по изменению и дополнению части 1 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь.

The article focuses on urgent issues of the Belarus' law enforcement bodies combating hard drinking at public places. The authors provide theoretical grounds directed at improving legal regulations of public relations to combat hard drinking. There are suggestions of changing and amending Part 1 Article 17.3 of the Administrative Law of the Republic of Belarus.

Человек, находящийся в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте, — потенциальный правонарушитель и потенциальная жертва. Это уже давно стало аксиомой: почти 40% всех правонарушений совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения, они частые виновники дорожно-транспортных происшествий, несчастных случаев, в том числе на производстве.

Нельзя недооценивать усилия руководства нашей страны по противодействию пьянству. Примером тому может служить принятая Государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011—2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 апреля 2006 г. №556. В рамках

реализации данной программы неоднократно вносились соответствующие изменения и дополнения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях; приняты: Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, регламентирующий отдельные вопросы процедуры противодействия указанному негативному социальному явлению; Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», в соответствии с которым ОВД занимают центральное место в ряду государственных органов, ответственных за организацию и проведение данной работы.

В то же время заложенные в административном законодательстве Республики Беларусь, в частности ст. 17.3 КоАП, подходы к противодей-

ствию ОВД указанному злу, как представляется, не совсем соответствуют общетеоретическим и конституционно-правовым принципам. Это не позволяет в полной мере реализовать имеющийся в данных правовых нормах потенциал. Так, отсутствие законодательного определения термина «распитие алкоголя» позволяет сотрудникам ОВД толковать его исходя из личных субъективных предположений: в одном случае как результат, в другом — процесс или состояние, что вызывает негодование у правозащитников и отдельных граждан нашей страны. Как следствие, существенно снижается уровень доверия населения ОВД, ухудшается эффективность государственной деятельности по управлению социальными процессами, а в конечном итоге подрывается авторитет государственной власти в целом. Особого внимания требует уяснение сущности понятия «предназначенные для распития алкоголя места». Нуждаются в уточнении и иные положения указанной статьи.

Эти и многие другие обстоятельства обуславливают необходимость разработки теоретических положений и предложений, направленных на совершенствование правового регулирования общественных отношений, складывающихся при реализации правовых норм, закрепленных в части 1 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь.

Следует отметить, что ретроспективный анализ проблемы противодействия пьянству в общественных местах (к сожалению, объем настоящей публикации не позволяет привести в ней все данные) показывает, что развитие теоретико-правовых взглядов на проблему противодействия пьянству и их нормативное закрепление осуществлялись параллельно и в эволюционно-прогрессивном направлении. Это происходило от простых форм (ограничения либо полного запрета оборота алкоголя) к более сложным (выделению видов алкоголя, способов его производства, мест, времени и обстоятельств его реализации и употребления), отражающим уровень развития общественного правосознания и законодательной техники (например, использование бланкетных диспозиций правовых норм, отсылающих к другим нормативным правовым актам).

Диспозиция части 1 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь закрепляет объективные стороны двух составов административных правонарушений:

1) распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива на улице, стадионе, в сквере, парке, общественном транспорте или в других общественных местах, кроме мест, предназначенных для употребления алкогольных напитков;

2) появление в общественном месте в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и нравственность.

Квалификация противоправных деяний по второму составу особых трудностей на практике не вызывает. Реализация же правовых норм, закрепляющих первый состав рассматриваемого административного правонарушения, вызывает определенные трудности.

Так, опрос сотрудников полка патрульно-постовой службы милиции и службы участковых инспекторов милиции ГУВД Мингорисполкома, УВД Могоблисполкома как категорий сотрудников органов внутренних дел, которые наиболее часто сталкиваются с данными правонарушениями, показал, что квалификация деяний граждан как «распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива на улице, стадионе, в сквере, парке, общественном транспорте или в других общественных местах, кроме мест, предназначенных для употребления алкогольных напитков» трактуется сотрудниками исходя из личных субъективных предположений.

Как поясняют данные должностные лица, они квалифицируют рассматриваемое правонарушение как оконченное с момента откупоривания емкости с алкогольными напитками, разлива алкоголя в стаканы и т.п., потому что в законодательстве термин «распитие» не раскрывается.

Указанные выше обстоятельства обуславливают необходимость научного подхода к решению обозначенной проблемы. Анализ общеизвестных особенностей стадий совершения правонарушения, справочной литературы, а также словаря Ожегова, в котором термин «распивать» трактуется как «принимать, проглатывать вино, спиртной напиток» [5. — С. 660], позволяет с достаточно высокой степенью научной обоснованности утверждать, что ни откупоривание емкости со спиртным, ни разлив спиртного в стаканы состава оконченного правонарушения распития алкоголя в общественном месте не образуют. Данные действия можно рассматривать лишь в качестве приготовления к распитию алкогольных напитков, а в отдельных случаях, с учетом всех обстоятельств, как покушение на распитие, но за эти действия КоАП Республики Беларусь ответственности не предусматривает. Следовательно, привлечение граждан к административной ответственности за подобные действия как за оконченное правонарушение является не совсем верным.

Существует и другая сторона обозначенной проблемы. Так, одним из основных моментов негативного отношения населения к милиции является, как поясняют граждане, «бездеятельность сотрудников ОВД», приводя примеры которой, они довольно часто называют случаи не-

должного реагирования на их сообщения о правонарушениях. Чаще всего это связано с реагированием на сообщения о распитии алкоголя, например во дворах домов. Как правило, заявившие граждане сообщают, что конкретного выпивания тем или иным лицом спиртного они не видели, но видели в их руках бутылку, стакан и т.п. Как показывает практика, в данных случаях сотрудники ОВД, ссылаясь на отсутствие достоверных и достаточных доказательств распития алкоголя в общественном месте, требуют данных граждан просто удалиться, что, естественно, вызывает негодование у заявителей, порождает правовой нигилизм.

Следует понимать, что государство и, в первую очередь, такой его правоохранительный орган, как ОВД, не должны допускать того, чтобы какое-либо опасное для общества явление (правонарушение) начало совершаться, и только после этого реализовывать соответствующие меры, направленные на его ликвидацию. Подобный подход был бы не только неоправданным с точки зрения действующего законодательства, но и социально нежелательным. А если принять во внимание, что на практике застичь правонарушителей непосредственно во время выпивания алкогольного напитка в общественном месте практически невозможно, то представляется целесообразным в КоАП Республики Беларусь ввести ответственность за покушение на распитие алкогольных напитков в общественных местах.

Представляется не совсем верным закрепление в диспозиции рассматриваемой нормы термина «предназначенные для распития алкоголя и пива места» при обозначении баров, ресторанов, палаток, площадок со столиками и т.п. Предназначение данных мест обуславливается потребностью человека в отдыхе, приеме пищи и т.п. В свою очередь, отдых и прием пищи в данных местах может сопровождаться приемом алкоголя, но говорить о том, что прямое назначение указанных выше мест — распитие алкоголя и пива, некорректно. В данной ситуации путем лицензирования государство всего лишь разрешает реализовывать и употреблять алкоголь и пиво в тех или иных местах. Представляется, что именно это обстоятельство и должно быть отражено в рассматриваемой правовой норме.

В то же время для юридически правильной квалификации данного правонарушения в настоящее время назрела необходимость законодательной конкретизации места совершения рассматриваемого противоправного деяния. Возможность совершения данного правонарушения законодатель связывает исключительно с «общественным местом».

На протяжении многих десятилетий учеными-административистами предпринимались по-

пытки определить перечень объектов, которые определяются как общественные места.

Так, Д.Н. Бахрах пишет о том, что «под общественным местом следует понимать места общего пользования, а также помещения учреждений, предприятий, обслуживающих население. Это пляжи, улицы, привокзальные площади, вокзалы, а также помещения и территории зрелищных предприятий — стадионы, ипподромы, кинотеатры и др.» [2. — С. 76].

С.С. Бородин, П.В. Иванов, Ф.Ф. Оськин различают три группы общественных мест: «места постоянного, периодического и разового пользования. Общественные места постоянного пользования — улицы, площади, скверы, бульвары; в населённых пунктах — работающие круглосуточно учреждения, вокзалы, т.е. общественные места, доступ к которым открыт в любое время. К общественным местам периодического пользования относятся помещения и другие объекты учреждений, предприятий и организаций, предназначенных для обслуживания населения в установленные часы работы: городской транспорт, пассажирские поезда и суда, предприятия торговли и общественного питания, бытового обслуживания, рынки, зрелищные учреждения, спортивные сооружения, пляжи и т.д. В период, когда эти объекты закрыты для посетителей и там отсутствуют люди, их нельзя рассматривать в качестве общественных мест. К общественным местам относятся места разового пользования, в которых общение людей носит непостоянный, разовый, эпизодический характер. Например, луг, лес, участок степи во время проведения коллективного выезда на загородную прогулку или массового гуляния в праздничные дни. Эти места становятся общественными только во время нахождения в них людей» [3. — С. 55—56].

А.П. Корнев высказал мнение, что «к общественным местам следует относить места общения людей в целях удовлетворения различных жизненных потребностей, а также общественное место связывается с пребыванием в нём людей» [1. — С. 24].

Л.Л. Попов предложил следующую классификацию общественных мест: «общественные места постоянного пользования — улицы, площади, скверы, транспортные магистрали и т.п.; общественные места временного пользования — магазины, театры, стадионы, транспортные средства общего пользования, подъезд, лестничная площадка и т.д.; эпизодические общественные места — лес, горный склон, озеро, река, когда там, например, проводятся те или иные мероприятия и т.д.» [6. — С. 32].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что единое мнение о том, что считать обще-

ственным местом при распитии алкогольных напитков, у ученых отсутствует. На законодательном уровне данная проблема также не имеет однозначного решения.

Анализ нормативных правовых актов, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере, показывает, что законодатели таких стран как, например, Беларусь, Российская Федерация, Казахстан и Украина, идут по одному пути — определение перечня общественных мест, где следует запретить распивать алкоголь, когда у ученых-административистов нет единого взгляда на данную проблему.

Принимая во внимание, что общественный порядок как сфера деятельности ОВД представляет собой «совокупность складывающихся повсеместно публичных общественных отношений как результат урегулированного социальными нормами общения людей» [4], представляется целесообразным в Республике Беларусь предпринять попытку изменить подход к определению места совершения рассматриваемого правонарушения. Перейти от перечисления мест, где распивать алкоголь запрещено, к законодательному закреплению мест, где это делать можно.

Для этого в качестве мест, где допускается потребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, определить:

- объекты общественного питания, где алкогольные напитки, слабоалкогольные напитки или пиво реализуется в разлив (при наличии оборудованных мест), в том числе при проведении массовых мероприятий;
- жилые помещения, принадлежащие гражданам по праву собственности или пользования, в том числе приусадебные участки, находящиеся на них подсобные постройки, а также гаражи и автотранспорт;
- помещения предприятий общественного питания, арендуемые на время проведения определенных мероприятий, с обязательным указанием о возможности распития алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в договоре аренды (если в обычном рабочем режиме работы предприятия реализация спиртного в разлив не предусмотрена).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Развитие теоретико-правовых взглядов на проблему противодействия пьянству и их нормативное закрепление осуществлялись параллельно и в эволюционно-прогрессивном направлении. Это происходило от простых форм (ограничения либо полного запрета оборота алкоголя) к более сложным (выделению видов алкоголя, способов его производства, мест, времени и обстоятельств его реализации и употребления), отражающим уровень развития об-

щественного правосознания и законодательной техники (например, использование бланкетных диспозиций правовых норм, отсылающих к другим нормативным правовым актам).

2. В части 1 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь заложен огромный потенциал противодействия пьянству, реализовать который полностью можно путем совершенствования содержащейся в ней правовой нормы.

3. Норма части 1 ст. 17.3 КоАП, находится в противоречии с общетеоретическими и конституционно-правовыми принципами юридической ответственности. В существующей редакции она допускает возможность субъективного усмотрения как при определении момента окончания описываемого ею правонарушения (распитие алкоголя), так и при определении мест, где оно может быть совершено. В связи с этим предлагается:

1) изложить в новой редакции диспозицию части 1 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь: «Распитие либо покушение на распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива вне мест, где это разрешено, либо появление в обществе в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и нравственность»;

2) дополнить ст. 17.3 КоАП следующими примечаниями: «Под покушением на распитие, указанным в части 1 ст. 17.3 настоящего Кодекса, понимается открытие емкости с алкогольным, слабоалкогольным напитком или пивом либо его разлив для выпивания». «Место, где разрешено распивать алкогольные, слабоалкогольные напитки и пиво — объекты общественного питания, где алкогольные напитки, слабоалкогольные напитки или пиво реализуются в разлив (при наличии оборудованных мест), в том числе при проведении массовых мероприятий; жилые помещения, принадлежащие гражданам по праву собственности или пользования, в том числе приусадебные участки, находящиеся на них подсобные постройки, а также гаражи и автотранспорт; помещения предприятий общественного питания, арендуемые на время проведения определенных мероприятий, с обязательным указанием о возможности распития алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в договоре аренды (если в обычном рабочем режиме работы предприятия реализация спиртного в разлив не предусмотрена)».

Внесение в законодательство данных изменений позволит унифицировать используемую в законодательстве терминологию и правоприменительную практику, создать гарантии безусловной реализации принципа справедливости административной ответственности при привлечении к ответственности за данное пра-

вонарушение, что будет способствовать выведению служебной деятельности органов внутренних дел на новый качественный уровень и поднятию их авторитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административная деятельность ОВД: Общая часть: учебник / под ред. А.П. Коренева. — 4-е изд. — М; 2003. — 234 с.

2. Административная ответственность граждан: уч. пособие / под ред. Д.Н. Бахраха. — Пермь, 1974. — 132 с.

3. Бородин С.С., Иванов П.В., Оськин Ф.Ф. Административная деятельность внутренних дел: словарь терминов и понятий / Серия «Учебники для вузов, специальная литература». — СПб.: Лань; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. — 96 с.

4. Лубенков А.В. Общественный порядок как сфера деятельности милиции и условие прогрессивного развития государства // Правовые и социально-экономические аспекты развития государства на современном этапе: сб. науч. тр. / Баранович. гос. ун-т; редкол.: В.И. Кочурко (гл. ред.) [и др.]. — Барановичи: БарГУ, 2007. — С. 142—145.

5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

6. Попов Л.Л. Административное право: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2005. — 320 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лубенков Александр Владимирович. Старший преподаватель кафедры административной деятельности.

Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь.

E-mail: LAV-3@tut.by

Республика Беларусь, 212011, г. Могилев, ул. Крупской, 67. Тел. (+375222) 24-22-03.

Яковицкий Олег Чеславович. Начальник кафедры административной деятельности.

Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь.

Республика Беларусь, 212011, г. Могилев, ул. Крупской, 67. Тел. (+375222) 24-22-03.

Бочкарев Андрей Николаевич. Курсант второго курса отделения высшего образования.

Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь.

Республика Беларусь, 212011, г. Могилев, ул. Крупской, 67. Тел. (+375222) 24-22-03.

Lubenkov Alexander Vladimirovich. Senior lecturer of the Administrative Activity chair.

Mogilev High College of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus.

Work address: Republic of Belarus, 212011, Mogilev, Krupskaya Str., 67. Tel. (+375222) 24-22-03.

Yakovitsky Oleg Cheslavovich. A chief of the Administrative Activity chair.

Mogilev High College of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus.

Work address: Republic of Belarus, 212011, Mogilev, Krupskaya Str., 67. Tel. (+375222) 24-22-03.

Bochkarev Andrey Nikolaevich. A second-year high education cadet.

Mogilev High College of the Ministry of Interior of the Republic of Belarus.

Work address: Republic of Belarus, 212011, Mogilev, Krupskaya Str., 67. Tel. (+375222) 24-22-03.

Ключевые слова: административное право; административное правонарушение; распитие алкоголя; общественное место.

Key words: administrative law; administrative crime; hard drinking; a public place.

УДК 342.9

О.Н. Ковалева,
Могилевский высший колледж
МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

ON SOME ASPECTS OF CERTAIN ADMINISTRATIVE ENFORCEMENT MEASURES IMPLEMENTATION THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассматриваются проблемные вопросы теории и практики реализации органами внутренних дел Республики Беларусь отдельных мер административного принуждения. Сформулированы теоретические положения, направленные на совершенствование правового регулирования общественных отношений, складывающихся при реализации мер административного принуждения. Обоснованы предложения по изменению и дополнению ст. 8.9 ПИКрАП Республики Беларусь.

The article deals with the problems of theory and practice of certain administrative enforcement measures implementation by the Internal Affairs bodies of the Republic of Belarus. The author provides theoretical grounds aimed at improving the legal regulation of social relations in the sphere of administrative enforcement implementation. There are also some proposals for changes and additions to Article 8.9 of the Procedure and Execution Code of Administrative Crime of the Republic of Belarus.

Реализация мер административного принуждения является важной и актуальной задачей государственных органов, поскольку эти меры направлены на обеспечение законности, охраны правопорядка, защиту прав и интересов граждан и организаций, собственности, на создание нормальных условий для деятельности аппарата государственной власти.

Принято считать, что метод убеждения должен превалировать в системе методов государственного управления, однако нельзя не согласиться с тем, что государственный механизм функционирует в обществе не только по доброй воле объединенных им субъектов, но и благодаря существованию возможности применения мер воздействия к тем, кто не следует установленным правилам. Возможность применения принуждения является неотъемлемым признаком государства и гарантией эффективного действия правовых норм.

Административно-правовое принуждение является средством регулирования преимущественно административно-деликтных отноше-

ний, то есть так или иначе связано с административным правонарушением. Применением данных мер предупреждается или пресекается совершение административных правонарушений, обеспечивается ведение административно-деликтного процесса, осуществляется наказание виновных в их совершении и восстановление нарушенных прав [5. — С. 12].

Несмотря на отсутствие единого мнения по вопросу классификации мер административно-правового принуждения, большинство ученых-административистов считают наиболее приемлемым критерием для классификации цель их применения [4. — С. 300; 7. — С. 173; 6. — С. 361]. Принимая во внимание, что применение мер административного принуждения тесно связано с деятельностью органов внутренних дел, необходимо отметить, что цели применения указанных мер отражают конкретные направления деятельности (функции) органов внутренних дел: предупреждение, пресечение, процессуальное обеспечение, ответственность.

Мера административного принуждения — это средство, которое используется государственными органами и должностными лицами, наделенными соответствующими полномочиями в процессе реализации исполнительной власти. Процессуальное обеспечение как правовая форма государственного принуждения представлено мерами процессуального принуждения.

Для определения сущности мер административно-процессуального обеспечения обратимся к этимологии. В толковом словаре С.И. Ожегова слово «мера» трактуется как средство для осуществления чего-либо [8. — С. 350]. Глагол «принудить» означает заставить сделать что-нибудь (либо не сделать чего-либо), прилагательным «принудительный» называют что-либо, осуществляемое по принуждению, насильно [8. — С. 595]. То есть «принуждение» означает осуществление чего-либо насильно, против воли и желания человека, а мера принуждения — средство, позволяющее заставить что-либо сделать или чего-либо не сделать. Слово «обеспечить» означает снабдить чем-либо в нужном количестве, сделать вполне реальным, действительным, выполнимым [8, с. 427]. В свою очередь, существительное «процесс» используется для обозначения развития какого-нибудь явления, последовательной смены состояний в развитии чего-нибудь, а также данным словом называется порядок разбирательства судебных и административных дел либо само такое дело [8. — С. 627]. Процесс — государственно-властная юридическая деятельность, в ходе которой обеспечивается надлежащая реализация материальных норм права, достижение юридического результата. Посредством этой деятельности реализуются функции органов государственной власти, в том числе правоохранительные. С помощью данной деятельности решения органов государственной власти облекаются в предусмотренную законом юридическую форму [9. — С. 140].

Следовательно, меры административно-процессуального обеспечения — это средства принудительного характера, используемые для того, чтобы сделать реальным, выполнимым разбирательство по делам об административных правонарушениях, снабдить должностных лиц всем необходимым для принятия решения и применения мер ответственности к виновным.

Меры обеспечения административного процесса применяются должностными лицами, наделенными властными полномочиями представителей государства, осуществляющих процессуальную деятельность. Решение об их применении и сам факт применения фиксируются соответствующими процессуальными документами.

Применение мер административного принуждения неразрывно связано с деятельностью органов внутренних дел. Являясь специфическим методом регулирования общественных отношений, принуждение включает в себя различные меры, посредством которых органы внутренних дел воздействуют на сознание и поведение людей.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует единый нормативный правовой акт, регулирующий общественные отношения, возникающие в ходе реализации административного принуждения. Порядок и условия применения отдельных мер административного принуждения регламентированы Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. (далее — КоАП), Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. (далее — ПИКоАП), Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» от 17 июля 2007 г., Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 10 ноября 2008 г. и другими нормативными правовыми актами.

Правовое регулирование применения мер административного принуждения за период с 2007 по 2012 г. претерпело существенные изменения, что в определенной мере позволило решить отдельные проблемы реализации мер принудительного характера. Вместе с тем практика реализации административного принуждения сотрудниками органов внутренних дел выявляет некоторые проблемные аспекты применения отдельных мер принуждения в связи с несовершенным их закреплением в законодательстве. Одной из таких «проблемных» мер является изъятие вещей и документов, предусмотренное статьей 8.9 ПИКоАП.

Изъятие вещей и документов — мера обеспечения административного процесса, которая выражается в лишении участников процесса (не только правонарушителя, но и потерпевшего, свидетелей) возможности пользоваться и распоряжаться определенными вещами и документами, имеющими значение для дела об административном правонарушении. Применяется изъятие вещей и документов в целях пресечения правонарушения и создания условий для привлечения правонарушителя к ответственности (для процессуального оформления доказательств).

Подлежат изъятию документы, имеющие значение для принятия решения по делу об административном правонарушении, орудия или средства совершения административного правонарушения, вещи, изъятые из оборота, имущество или доходы, полученные вследствие совершения административного правонарушения, а также предметы административного правонарушения, за совершение которого предусмотрена их конфискация, водительское удостоверение и талон к нему при нарушении правил дорожного движения.

В соответствии со статьей 24 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» органам внутренних дел в целях выполнения возложенных на них задач в пределах их компетенции предоставляется право «...искребовать и при необходимости в установленном порядке изымать документы, образцы сырья, полуфабрикатов и готовой продукции...» [3]. Статья 25 упомянутого закона, определяющая ком-

петенцию сотрудников органов внутренних дел, гласит: «Сотрудники органов внутренних дел в целях выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел, в пределах своей компетенции имеют право: ...изымать документы, предметы и вещи, которые могут являться вещественными доказательствами; ...изымать имущество и предметы, запрещенные к обороту на территории Республики Беларусь, документы, имеющие признаки подделки, информационную продукцию, содержащую призывы к экстремистской деятельности либо пропагандирующую такую деятельность, и принимать по ним решения в соответствии с законодательством Республики Беларусь [3].

Вещи и документы могут быть обнаружены и изъяты при проведении различных действий, например в ходе осмотра помещений, транспортных средств, ручной клади, личного обыска.

Возникает вопрос: изъятие вещей и документов — это составная часть личного обыска задержанного и осмотра либо самостоятельное процессуальное действие?

Если рассматривать изъятие как заключительный этап иных процессуальных действий, то при проведении личного обыска изъятию предшествует подробное осматривание тела и одежды задержанного, а при проведении осмотра места совершения административного правонарушения — осматривание помещений, транспортных средств, ручной клади в целях обнаружения орудий и средств совершения административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса. То есть личный обыск и осмотр проводятся с целью обнаружения таких предметов, а потом уже и изъятия. А если о наличии у лица таких предметов известно заранее? Более того, если оно добровольно выдает такие предметы лицу, ведущему процесс, и при этом правонарушителем не является? Представляется справедливым утверждать, что в таком случае изъятие вещей и документов следует рассматривать как самостоятельное процессуальное действие.

Необходимо также отметить, что ключевым моментом при ограничении личного обыска и изъятия вещей и документов является так называемый «момент отыскания». Если личный обыск и осмотр проводятся в целях обнаружения орудий и средств административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса, то есть предполагают наличие момента отыскания, то при проведении изъятия вещей и документов такой момент отсутствует. Кроме того, статья 8.6 ПИКоАП предусматривает проведение личного обыска задержанного, то есть физического лица, к которому применено административное задержание. Часть 1 ст. 8.2 ПИКоАП определяет административное задержание следующим образом: «Административное задержание физического лица состоит в фактическом кратковременном ограничении свободы физического лица, в отношении которого

ведется административный процесс, за совершение им административного правонарушения, в доставлении его в орган, ведущий административный процесс, и содержании в данном органе» [2]. Следовательно, подвергать личному обыску можно только лицо, в отношении которого ведется административный процесс, то есть лицо, совершившее административное правонарушение. К иным участникам административно-деликтного процесса данная мера не применяется.

В то же время к иным участникам процесса, наделенным правом представлять доказательства, а также имеющиеся у них материалы, относящиеся к делу об административном правонарушении, может быть применено принудительное изъятие таких материалов.

Статья 8.9 ПИКоАП предлагает несколько способов процессуального оформления изъятия вещей и документов: составление протокола изъятия, внесение соответствующей записи в протокол об административном правонарушении, о личном обыске или административном задержании физического лица.

Изучение и анализ материалов ряда дел об административных правонарушениях (отдел внутренних дел администрации Ленинского района г. Могилева, 2011 г.) показывает, что нередко случаи, когда изымать вещи и документы приходится в жилище либо иных законных владениях граждан.

Одним из принципов административного (административно-деликтного) процесса является в соответствии со статьей 2.6 ПИКоАП неприкосновенность жилища и иных законных владений: «Неприкосновенность жилища и иных законных владений гарантируется законом. Никто не вправе войти в жилище и иное законное владение лица против его воли. Производство процессуальных действий, связанных со вторжением в жилище и иные законные владения, осуществляется по основаниям и в порядке, установленном настоящим Кодексом» [2]. Применяемая в данном случае статья 8.6 ПИКоАП «Изъятие вещей и документов» каких-либо правил проведения изъятия в жилище и иных законных владениях граждан не устанавливает.

В то же время, статья 25 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» позволяет сотрудникам органов внутренних дел входить беспрепятственно, при необходимости с повреждением запирающих устройств и других предметов, в любое время суток в жилые помещения и иные законные владения граждан, помещения и иные объекты организаций и осматривать их при преследовании подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений либо при наличии достаточных оснований полагать, что там совершается или совершено преступление либо находятся подозреваемый (обвиняемый), скрывающийся от органа, ведущего уголовный процесс, лицо, уклоняющееся от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности [3].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что изъятие вещей и документов необходимо рассматривать с двух точек зрения: как самостоятельное процессуальное действие либо как составную часть (как правило, заключительный этап) личного обыска задержанного и осмотра. При проведении изъятия вещей и документов в ходе иных процессуальных действий следует руководствоваться соответственно статьями 8.6 «Личный обыск задержанного» и 10.13 «Осмотр» ПИКоАП.

Если же рассматривать изъятие как самостоятельное процессуальное действие, то возникает необходимость внесения изменений и дополнений в действующее законодательство. В этой связи предлагается усовершенствовать правовую регламентацию изъятия вещей и документов, дополнив статью 8.9 ПИКоАП частью 5 следующего содержания: «Изъятие вещей и документов в жилище и ином законном владении проводится только с согласия собственника или проживающего в нем совершеннолетнего лица и в их присутствии, а при отсутствии согласия — в порядке, предусмотренном частью 4 статьи 10.13 настоящего Кодекса».

Нормативное закрепление предложенных выше теоретических положений позволит эффективнее выполнять должностные обязанности не только сотрудникам органов внутренних дел, но и должностным лицам иных государственных органов, ведущих административный процесс, повысит эффективность реализации мер административно-правового принуждения, создаст дополнительные гарантии охраны прав и законных интересов личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г.: одобр. Советом Республики 2 апр. 2003 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. №325-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный

ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.

2. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. №334-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.

3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, от 17 июля 2007 г., №263-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. №325-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.

4. Административное право: учеб. для вузов по юрид. специальностям / К.С. Бельский [и др.]; под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. — М.: Юрист, 2002. — 726 с.

5. Крамник А.Н. Административно-правовое принуждение. — Мн.: Тесей, 2005. — 208 с.

6. Мах И.И. Административное право Республики Беларусь: курс лекций. — Мн.: ГИУСТ БГУ, 2006. — 543 с.

7. Административное право: учеб. пособие / под общ. ред. Л.М. Рябцева. — Минск : Амалфея, 2009. — 432 с.

8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.

9. Сорокин В.Д. Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Юрид. мысль. — 2002. — № 4 (Спец. вып.). — С. 3 — 85.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ковалева Ольга Николаевна. Преподаватель кафедры административной деятельности. Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь.
E-mail: Olganikolaevna13@mail.ru
Республика Беларусь, 212011, г. Могилев, ул. Крупской, 67. Тел. (+375222) 24-22-03.

Kovaliova Olga Nikolaevna. Lecturer of the Administrative Activity chair.
Mogilev High College of the Ministry of the Interior of the Republic of Belarus.
Work address: Republic of Belarus, 212011, Mogilev, Krupskaya Str., 67. Tel. (+375222) 24-22-03.

Ключевые слова: административное право; административный процесс; процессуальное действие; осмотр; обыск; изъятие вещей и документов.

Key words: administrative law; administrative procedure; proceedings; search; observation; seizure of objects and documents.

УДК 342.9

Т.В. Ильина,
кандидат филологических наук,
Воронежский государственный
университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВИСТА-ЭКСПЕРТА

MODERN WEB SEARCH ENGINES AS AN INSTRUMENT OF LINGUISTICS EXPERTS

В статье рассматриваются возможности Национального корпуса русского языка в рамках юридической практики. Кроме словарей, лингвисты-эксперты могут использовать поисковую систему при толковании значений.

The article deals with Russian National Corpus potential in the context of legal practice. Besides dictionaries linguistics experts can use web search engines while interpreting the meaning of words.

В последнее время приходится констатировать тот факт, что лингвистика перестаёт быть самодостаточным и необходимым научным знанием. Прикладное назначение языкознания обнаруживается во всех областях любой деятельности. Данное положение можно связывать и с тем, что лингвистика как дисциплина не имеет четких границ, и с тем, что в языке пытаются найти ответы на свои вопросы философы, социологи, историки, психологи [1]. А в том, что юридическая практика как никогда нуждается в лингвистике, уже нет никаких сомнений, так как право по происхождению связано с языком, оно объективируется в языке и через язык познается. Юристы прибегают к помощи специалистов, способных помочь в решении проблемных вопросов, которые находятся на границе права и языка. Юристы не обладают необходимым инструментарием для исследования текста, не владеют лингвистической терминологией и, как следствие, не могут правильно сформулировать вопросы, подлежащие разрешению лингвистами-экспертами. Лингвистическая экспертиза текстов становится все более и более востребованной в криминалистической практике.

Лингвистическая экспертиза — это особый вид языковедческого исследования, в котором объединяются различные лингвистические и экстралингвистические параметры, это исследование

достоверности различной вербальной информации, имеющее значение объективного доказательства. Заключение эксперта — один из источников доказательств, перечисленных в уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Содержание заключения эксперта регламентировано, например, ст. 204 УПК РФ, согласно которой после производства необходимых исследований эксперт составляет заключение, в котором должны быть отражены следующие сведения: когда, где, кем (фамилия, имя и отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность), на каком основании была произведена экспертиза, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие материалы эксперт использовал, какие исследования произвел с указанием примененных методик, какие вопросы были поставлены эксперту и его мотивированные ответы. Более подробно содержание заключения эксперта регламентировано ведомственными нормативными актами.

Целью лингвистической экспертизы является обнаружение и установление фактов и обстоятельств на основе филологических познаний и исследования закономерностей языка, которые будут способствовать успешному разрешению сложных случаев судебных разбирательств. Причем категоричность выводов будет напря-

мую зависеть от полноты и качества материалов, предоставляемых эксперту органами суда и следствия. К компетенции лингвистов относится разрешение следующих вопросов: форма высказывания, содержащего оспариваемые истцом сведения (утверждение, предположение, мнение, то есть оценочное суждение); характер содержащихся в высказывании оспариваемых истцом сведений (сведения о фактах или событиях или иные суждения); соотносимость содержащихся в высказывании сведений с конкретным гражданином или юридическим лицом.

Лингвист работает только с текстом и не имеет права вмешиваться в правовые вопросы. Качественная лингвистическая экспертиза требует от специалиста высокой квалификации, владения разными методиками анализа текста, опыта применения знаний на практике, а главное — современных подходов к языку, речи, тексту, слову.

Задачами лингвистического исследования могут являться: толкование и разъяснение значений и происхождения слов, словосочетаний, устойчивых фразеологических выражений (идиом); интерпретация основного и дополнительного значений языковой единицы или единицы речи (устной или письменной); толкование положений текста документа для установления того, какие варианты понимания этих положений возможны в современном дискурсе; изучение товарных знаков, словесных обозначений, девизов, слоганов, рекламных текстов, коммерческих, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности до степени смешения с другими обозначениями; изучение текста (фрагмента) с целью выявления его смысловой направленности, модальности пропозиций, экспрессивности и эмотивности речевых единиц, их формально-грамматической характеристики и семантики, специфики использованных стилистических средств и приемов.

Предметом лингвистической экспертизы являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей существования и функционирования языка.

Объекты лингвистической экспертизы — тексты, произведения устной или письменной речи (зафиксированные на материальном носителе) на русском языке.

Вынесение законных, обоснованных решений по делам, связанным со словесными оскорблениями, реализация закона о защите чести, достоинства и деловой репутации возможны лишь в том случае, когда суды смогут опираться на компетентные, объективные экспертные заключения. И тут встает вопрос об инструменте, которым может пользоваться эксперт. Конечно, главным инструментом лингвиста-эксперта является авторитетный и объективный словарь, из которого можно получить сведения о реальном

составе лексического значения слова. Традиционное собрание интерпретаций устойчивой, принятой языковым коллективом семантики — толковый словарь.

Словарь, предназначенный для использования в лингвистической экспертизе, по определению должен быть не столько авторитетен, сколько объективен. Он должен быть проверяемым, то есть воспроизводимым на аналогичной по размеру и составу выборке текстов. К сожалению, на сегодняшний день нет словаря, лишенного дефектов как семантического, так и стилистического характера. Традиционные толковые словари никогда не отражают всей полноты картины, поскольку не опираются на исследование языкового сознания, а содержат обобщение сем и семем, отстающее по времени от живых языковых процессов. Кроме того, многие смысловые компоненты не зафиксированы в словарях литературного языка в силу ограничительного действия нормы.

Не случайным кажется тот факт, что в последнее время все больший интерес у лексикографов вызывает корпусная лингвистика — построение автоматических корпусов (русских) текстов, содержащих при каждом словопотреблении разнообразную лингвистическую информацию.

К сегодняшнему дню технический арсенал автоматической текст-аналитики (и, в частности, автоматизированной лексикографии) достиг значительных размеров и разнообразия. Многие из созданных в последние 10—15 лет процессоров и языковых баз данных могут быть с той или иной долей удобства применены как непосредственно в лингвистической экспертизе, так и опосредованно, для составления адекватных требованиям этой экспертизы словарей и анализаторов.

Имеются программы автоматического сравнения текстов между собой, которые используют для исследования и доказательства плагиата. Практически каждый из опубликованных сегодня и в прошлом словарей преобразован в лексикографическую базу данных и доступен для формальных преобразований; немалая доля таких словарных баз данных, включая многоязычные, открыта в Интернете для свободного доступа. Есть несколько версий автоматического синтаксического анализа; ряд аналитических программ и поисковых систем использует процессоры автоматического сбора синонимов и квазисинонимов. Работают программы автоматического составления тезаурусов (идеографических словарей), средства поиска в тексте заданных по смыслу фрагментов. Есть программы психологической оценки текста, построенные как на основе традиционной психологической семантики, так и на базе неориторических наблюдений.

Конечно, нельзя забывать о том, что многие словарные картотеки являются самостоятельными-

ми памятниками истории языка, поскольку на бумажных карточках нередко зафиксированы фрагменты уже исчезнувших памятников письменности. Нам недоступны исходные текстовые выборки некоторых словарей, того же словаря Даля, материалом для которых послужили полевые исследования, которые мы уже не можем воспроизвести. По техническим причинам в электронной форме не представлены корпуса текстов на древнерусском языке. Отсутствие единой стандартной кодировки не только для древнерусских текстов, но и для текстов, написанных раньше 1918 года, не позволяет публиковать их в Сети без ограничений, связанных с загрузкой для каждого из них специальных шрифтов, зачастую не совпадающих друг с другом. Весьма невысок уровень культуры электронных публикаций и републикаций, абсолютное большинство которых не авторизовано и требует критической сверки. Все это, конечно, плохо, но отнюдь не критично.

Объем текстовой информации на русском языке, собранный в электронных библиотеках и на отдельных тематических страницах, уже давно превышает все те выборки, которые были использованы при составлении словарных картотек, а по жанровому составу и датировке эти выборки, в отличие от картотечных массивов, достаточно полно иллюстрируют не только все периоды в развитии языка (для 19 и 20 веков — безусловно), но и все многообразие его стилистических подразделений. Это текстовое поле доступно для исследования, классификации и структурирования в пригодный (и привычный) для лексикографов и грамматистов вид. Уже сейчас история жизни любого слова за последние два столетия может быть изучена по электронным выборкам быстро, точно и с максимальной подробностью.

Где лингвист-эксперт может получить сведения о реальном составе лексического значения слова? Традиционное собрание интерпретаций устойчивой, принятой языковым коллективом семантики — толковый словарь. Насколько полно и современно отражено лексическое значение в словаре? Относительно полно и не всегда современно. Этому есть много причин. Специфика словарной ситуации диктует необходимость при производстве экспертиз, подобных описанной выше, обращаться не только к «норме», но и к «узусу» или, если есть такая возможность, уточнять семантику по электронным словарям (например, электронному словарю иностранных слов), функциональным или традиционным грамматикам, синтаксическим словарям, словарям разговорной речи, городского просторечья, жаргона. Лингвист-эксперт должен учитывать все указанные факты, иметь представление о разнообразии словарей, не исключать из своей

работы в случае необходимости и словари ассоциативного типа [2].

Кроме того, современное состояние языка не всегда успевает отражаться в словарях. В этом случае на помощь может прийти Национальный корпус русского языка, включающий массу текстов, разных жанров и времён [2]. Корпус — это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. Созданная информационно-справочная система предназначена для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов — от одного до двух столетий. Корпус предоставляет всевозможные справки, относящиеся к указанному областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка). Современные компьютерные технологии многократно упрощают и ускоряют процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов. Раньше исследователь мог лишь просматривать тексты и вручную выписывать из них нужные примеры; эта предварительная (но абсолютно неизбежная) деятельность была очень трудоемкой и не позволяла обрабатывать большие массивы материала. Теперь же ограничений на объем анализируемого материала и скорость поиска информации в нем нет, а это означает, что в распоряжении исследователя оказываются колоссальные массивы текстов самого разного типа.

Зачастую те слова, которые предлагаются для анализа лингвисту-эксперту, ещё не успели отразиться в авторитетных словарях, зато в корпусе всегда можно найти нужную лексему. Конечно, постоянно прибегать к помощи корпуса нет необходимости. Однако бывают случаи, когда в разрешении спорного вопроса может помочь какой-либо подкорпус.

Попробуем проиллюстрировать сказанное выше. Некоторое время назад лингвисты-эксперты кафедры русского языка Воронежского госуниверситета столкнулись с проблемой анализа словоформы «крысятничать». В экспертизе был поставлен следующие вопросы: В каком значении использовано слово «крысятничать» в тексте статьи, предложенной для анализа экспертам? Если в представленных фрагментах (в которых употребляется слово «крысятничать») содержится негативная информация о деловой репутации конкретного человека, то воспринимается ли эта информация как умаляющая его деловую репутацию?

Сложно найти тот неоспоримый источник, в котором можно было бы найти толкование.

Единственным источником может послужить словарь жаргона, однако авторитетность подобного издания сомнительна. Эксперты обратились к ресурсам Национального корпуса.

Для того чтобы определить значение предлагаемого слова, эксперты задали искомую словоформу в лексико-грамматическом поиске. Из корпуса объемом 59486 документов корпус нашел только 6 со словом «крысятничать» (4 глагола и 2 деепричастия). Небольшое количество примеров позволяет сделать максимально точные выводы о значении лексемы.

Тексты, содержащие нужное слово, относятся к художественному и публицистическому стилю. Все примеры можно продемонстрировать в тексте нашей статьи:

1. Татуировку сделал. Все пацаны нормальные — никто не крысятничает. Офицеры тоже вроде ничего мужики. [Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000—2003)].

2. Главное — получать блага, не вламываясь, как пьяный жлоб в церковь, не крысятничая и шакала по углам, отбирая последний кусок у сиротки. [Лариса Кислинская. Уходящие «в натуру» (2003) // Совершенно секретно. — 2003. — 4 авг.].

3. А там, глядишь, и настоящих преступников, которые «крысятничают» и продают оружие боевикам, начнут отлавливать. [Наталья Серова. Разговорчики в строю... (2003) // ПОЛИТКОМ.РУ. — 2003. — 8 авг.].

4. Разрабатываю схемы, рою носом землю, а за счет моих результатов люди получают деньги. Грубо говоря, «крысятничают». Ну, я и не сдержался. [Александр Хинштейн. Бригада // Московский комсомолец. — 2003].

5. — Учти, он крысятничает, — злобно ощерился Долган. — У него еще один ларек завелся, я точно знаю. [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001)].

6. К тому же вряд ли на «Стрельца» была у КГБ подписка, свою антисоветскую библиотеку приходилось комитетчикам собирать по крохам, крысятничая на обысках, так что большую часть так необходимой им для работы литературы поставляли им сами донельзя разгильдяистые диссиденты. [Николай Климонтович. Далее — везде (2001)].

Анализ примеров наглядно показывает, что ни в одном из них слово «крысятничать» не имеет положительной оценки. Кроме того, из примеров 3,4 следует, что лексема может быть истолкована следующим образом: *крысятничать* — *наживаться незаконными способами*. Следовательно, используя только ресурсы национального корпуса можно предварительно сделать выводы о том, что слово «крысятничать», безусловно, имеет негативное значение, которое накладывает негативный отпечаток на деловую репутацию любого человека.

Конечно, нельзя категорично утверждать, что подобные поисковые системы в сети Интернет станут основным инструментом лингвиста-эксперта, однако в некоторых случаях они могут оказать существенную помощь в работе над заключением специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Педагогика: семья—школа—общество. Кн. 4 / под ред. О.И. Кирикова. — Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2005. — 199с.
2. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
3. Русский ассоциативный словарь: в 2т. / под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: АСТ-Астрель, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ильина Татьяна Вячеславовна. Доцент кафедры русского языка филологического факультета. Кандидат филологических наук.

Воронежский государственный университет.

E-mail: t-lingva@mail.ru

Россия, 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10. Тел. (473) 2-208-426.

Ilyina Tatiana Vyacheslavovna. Assistant professor of the chair of Russian Language at philological department.

Voronezh State University.

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Lenin Sq., 10. Tel. (473) 2-208-426.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза; языкознание; национальный корпус русского языка; текст.

Key words: linguistic examination; linguistics; Russian National Corpus; text.

УДК 811.161.1'42:34

М.В. Лопина,
Воронежский институт ФСИН России

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

ECONOMIC MEASURES TO PREVENT CRIMES COMMITTED IN INSTITUTIONS PERFORMING CRIMINAL PENALTIES

В статье анализируется влияние экономических процессов, протекающих в обществе, на пенитенциарную преступность, разработка в рамках общесоциального предупреждения экономических мер профилактического воздействия.

This article analyzes the impact of the economic processes taking place in society on penitentiary crime, development of social measures for economic prevention and safety precautions.

В криминологической литературе «предупреждение» преступлений давно оспаривается в вопросах соотношения с понятиями «профилактика» и «пресечение преступлений» [1]. Дискуссии по этому поводу длятся уже не одно десятилетие, и на данный вопрос даются не только разноречивые, но даже диаметрально противоположные ответы. Одни авторы рассматривают данные термины как синонимы и отмечают искусственность их разграничения [2]. Другие — различают понятия, связывая их с различными уровнями, направлениями и видами рассматриваемой деятельности [3].

Различное понимание предупреждения, пресечения, профилактики происходит вследствие того, что в реальной практике их трудно разграничить, поскольку все это — деятельность по охране общественных отношений от преступных посягательств, конечным итогом которой выступает снижение уровня преступности [4].

Изучая мнения ученых по данному вопросу, нам хотелось бы отметить определение предупреждения преступности, которое дал И.В. Каретников. На наш взгляд, оно наиболее полно.

Под предупреждением преступности понимается многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная на [5]:

1) выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий;

2) выявление и устранение ситуации на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений;

3) выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска;

4) выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости — и на их ближайшее окружение.

В зависимости от характера социальной детерминации преступности меры профилактического воздействия делятся на общие и специальные (криминологические), непосредственные.

Общесоциальное предупреждение преступности включает меры, которые ориентируют людей на соблюдение законов, охраняющих интересы общества и права граждан, и в целом позволяет обеспечить нормальный ход общественного развития. Оно предполагает позитивное развитие общества, совершенствование его экономических, политических, социальных и иных институтов, объективно способствующих устранению из жизни кризисных явлений. Превентивный потенциал данного вида предупреждения оказывает опосредованное воздействие на преступность, так как деятельность, осуществляемая в рамках общесоциального развития, преследует более глобальные цели, направленные на развитие общества в целом, а не только на нейтрализацию криминогенных детерминантов. Общесоциальные меры применяются в случаях, когда криминогенные детерминанты проявляются относительно к антиобщественному и противоправному поведению конкретных лиц, которые могут совершить преступление в различных сферах социальной жизни.

В научной литературе нет единого мнения по поводу дифференциации способов общепрофилактического воздействия. Так, А.С. Шляпочников, А.Б. Сахаров и А.Р. Ратинов различали среди мер общей профилактики социально-экономические, идеологические и правовые. К.Е. Игошев подразделял меры общей профилактики на экономические, социально-политические, государственно-правовые, культурно-воспитательные.

По нашему мнению, наиболее верной является классификация мер общесоциального предупреждения, нашедшая своё отражение в проекте концепции развития государственной системы социальной профилактики правонарушений, в число которых входят: экономические, политические, правовые, идеологические.

Экономика является основой жизни общества. Прямо и опосредованно состояние, динамика и структура экономики страны оказывают влияние на все процессы, происходящие в социуме. Поэтому одним из основных направлений общесоциальной профилактики преступлений в учреждениях, исполняющих уголовное наказание, является стабилизация экономических процессов, выход из глубокого кризиса, в котором находится Россия. Так, валовой внутренний продукт в период кризиса в России снизился в наибольшей мере — на 7,9%; доходы федерального бюджета уменьшились в рекордных размерах, если сравнивать с первыми тремя кварталами докризисного 2008 г. В 2008 г. объем доходов от сбора налогов и таможенных пошлин составил более 10 трлн. руб., в 2009 г. — 4,4 трлн. руб. Внешняя торговля России сократилась в 2009 г.

примерно на 40% — вдвое больше, чем в среднем в других странах. Отток капитала из России, начиная со второй половины 2008 г., в 2009 г. и за 10 месяцев 2010 г. составил более 215 млрд. дол. США, что намного больше, чем в других странах. Международные (золотовалютные) резервы России в острой фазе кризиса сократились с 597 в августе 2008 г. до 386 в январе 2009 г., главным образом, с целью предотвратить обвал валютного курса рубля по отношению к доллару. Такого не было ни в одной другой стране. Число безработных в России в нижней точке кризиса превысило 9% численности экономически активного населения, а с учетом скрытой безработицы (придерживания рабочей силы на неработающих предприятиях) намного более 10%; до рекордных 10% увеличилась безработица также в еврозоне и в США. Россия была единственной крупной страной, которая вошла в кризис с высокой инфляцией — 13,3% в 2008 г., что привело к процессу стагфляции [6].

Экономическая нестабильность является причиной преступности. Поэтому целью современного государства является обеспечение стабильного экономического роста и устойчивости экономической системы, выработка экономических мер предупреждения преступности, направленных на нейтрализацию криминогенных последствий функционирования экономической сферы как на макроуровне (например, оздоровление экономики страны в целом; экономическая защита наименее обеспеченных слоев населения посредством введения научно обоснованного прожиточного минимума, улучшение инвестиционного климата и привлечение инвестиций, развитие инновационной деятельности, развитие предпринимательской инициативы, малого и среднего бизнеса, технологическая модернизация промышленности и развитие современной производственной базы, повышение конкурентоспособности промышленного комплекса, повышение эффективности агропромышленного комплекса, развитие торговли и потребительского рынка), так и на микроуровне (например, льготы и помощь конкретным лицам, находящимся в критической ситуации, развитие рынка труда и создание благоприятных условий труда, развитие социальной помощи и социальной защиты, повышение доступности жилья, повышение качества жилищно-коммунальных услуг, устойчивое развитие территорий и социальное развитие села, обеспечение населения высокооплачиваемыми рабочими местами, сокращение диспропорций в личных доходах. Для достижения этой цели России необходимо выстроить свою индивидуальную экономическую стратегию, учитывая политические, географи-

ческие, национальные, культурные особенности страны.

Государственные федеральные и региональные программы, введенные в жизнь, такие как «Социальное и экономическое развитие России», «Социально-экономическое развитие Воронежской области на 2011—2014 год», комплексная программа по профилактике правонарушений в Республике Татарстан на 2011—2014 гг., которая предусматривает системы стимулирования работодателей, предоставляющих рабочие места лицам, освобожденным из мест лишения свободы либо осужденным за совершение преступлений к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, а также резервирования (квотирование) рабочих мест для трудоустройства указанной категории лиц, «Развитие социальной помощи населению Архангельской области на 2011—2013 годы», в которую включен раздел «Социальная реабилитация осужденных без изоляции от общества и освобожденных из мест лишения свободы» и т.д., требуют дальнейшей реализации и коррекции по мере реализации. Так, по нашему мнению, Федеральная целевая программа «Развития села до 2012 года» требует доработки, включения раздела ««Социальная реабилитация лиц, отбывших уголовное наказание», стимулирования привлечения для работы в секторе сельской экономики бывших осужденных (профессиональное образование, создание новых рабочих мест, предоставление жилья). Включение этого раздела являлось бы как шагом к ресоциализации осужденных, эту задачу ставит «Концепция развития УИС до 2020 года», так и профилактикой преступлений.

По имеющимся данным, в 2010 году в получении социальной помощи нуждалось 143 тысячи осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Проведение в жизнь названных мероприятий ускорит процесс ресоциализации и существенно сократит возможность криминальной среды по втягиванию в нее «резервов» из числа как бывших осужденных, так и осужденных к наказаниям без изоляции от общества. В целях реализации социальных мер профилактики на государственном уровне уже функционируют Социально-реабилитационный центр «Аврора», который создан некоммерческой организацией «Межрегиональный благотворительный Фонд помощи заключенным», и другие. Продуктивная работа по социальной адаптации осужденных и внедрению мер общесоциальной профилактики проводится органами исполнительной власти г. Санкт-Петербурга (действуют межведомственные комиссии по оказанию помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, активно

развивается проект «Территория свободного общения. Человек» и «Создание службы социально-психологического сопровождения подростков, находящихся в местах лишения свободы, и их семей»), Республики Башкортостан (принят закон «О социальной адаптации лиц, освобождаемых и освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания»), Краснодарского и Красноярского краев (Центр социальной реабилитации «Забота»), Владимирской, Волгоградской (проект «Поверь в себя»), Вологодской (создан дом-интернат для лиц, попавших в экстремальную жизненную ситуацию), Воронежской (действует Центр социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы), Калининградской, Кемеровской, Курской, Нижегородской, Новосибирской, Омской (Комплексная программа ресоциализации несовершеннолетних осужденных «Социальный лифт»), Ростовской, Саратовской, Тверской, Тульской, Челябинской и ряда других областей; в Забайкальском крае реализуется программа «Путь к себе» на базе следственных изоляторов № 1 и 2 Нерчинской ВК; в Орловской области реализуется проект «Сказкотерапия» на базе Шаховской ВК.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26.03.2008 № 404 в Российской Федерации создан Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; Попечительский совет Фонда, приоритетными направлениями деятельности которого являются: профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства, восстановление благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; социальная поддержка семей с детьми-инвалидами для обеспечения максимально возможного развития таких детей в условиях семейного воспитания, их социализации, подготовки к самостоятельной жизни и интеграции в общество; социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом, профилактика безнадзорности и беспризорности детей, преступности несовершеннолетних.

Начиная с 2009 года ФСИН России активно включил в работу по отбору проектов, направленных на социальную реабилитацию несовершеннолетних осужденных, их постпенитенциарную адаптацию. Заслуживает внимания проект, предусматривающий открытие социальной гостиницы в г. Бийске (Алтайский край) для временного размещения несовершеннолетних, освобожденных из воспитательных колоний региона и нуждающихся в

жилье, а также оказание им единовременной помощи. Общественная организация «Союз социальных педагогов и социальных работников» реализует проект «МОСТ», в рамках которого предусмотрено создание модели комплексной социальной адаптации несовершеннолетних осужденных путем внедрения информационно-консультационных и интегративных технологий на базе трех воспитательных колоний, расположенных в Свердловской, Кировской и Рязанской областях. 1 июня 2009 г. Фонд совместно с Международным благотворительным фондом Ю. Розума провел акцию «Дети-детям» для несовершеннолетних, отбывающих наказание в Рязанской и Алексинской (Тульская область) ВК. В воспитательных колониях прошли мастер-классы по актерскому мастерству, живописи, флористике, игре на гитаре. Воспитанники смогли попробовать себя в роли актеров, художников, музыкантов, составителей букетов. В 2010 году ФСИН России продолжает взаимодействие с Фондом по конкурсному отбору заявок муниципальных образований, государственных и муниципальных учреждений, российских некоммерческих организаций, направленных на активизацию добровольческой и благотворительной деятельности в сфере поддержки детей и (или) семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Из вышеизложенного видно, что экономика, являясь основой жизни общества, прямо и опосредованно оказывает влияние на все процессы, происходящие в социуме, в том числе и на состояние преступности. Поэтому одним из основных направлений общесоциальной профилактики преступлений является стабилизация экономических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. А.И. Долговой. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2008. — 912 с.
2. Голоднюк М.Н., Зубкова В.И. Предупреждение преступности. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — С. 5—6.
3. Филимонов О.В. Уголовно-исполнительное право России / под ред. И. В. Шмарова. — М.: ЮрИнфоР, 2000. — 317 с.
4. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. — М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. — 526 с.
5. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. — М., 1972. — 90 с.
6. Криминализация общества: пути противодействия: научная информация по вопросам борьбы с преступностью. — М.: НИИ проблем управления законности и правопорядка, 1995. — С.28.
7. Каретников И.В. Предупреждение преступлений в ИТК: монография. — М., 1987. — 116 с.
8. Аганбегян А.Г. //Деньги и кредит. — 2011. — №1. — С. 27.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лопина Мария Владимировна. Начальник кабинета специальных дисциплин.
ФГУ ВПО Воронежский институт ФСИН России.
E-mail: mariy-lo@rambler.ru
Россия, 394072, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1а. Тел. 89042105145, 275-29-19.

Lopina Maria Vladimirovna. Head of special disciplines office.
Federal State Institution of Higher Education Voronezh Institute of Russian Federal Penitentiary Service.

Work address: Russia, 394072, Voronezh, Irkutskaya Str., 1a. Tel. 89042105145, 75-29-19.

Ключевые слова: предупреждение; пенитенциарное преступление; экономика; экономические программы.

Key words: prevention; penitentiary crime; economy; economic programs.

УДК 343

И.И. Карташова,
Воронежский государственный
университет

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

DIRECT EFFECT OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE NOTION AND STRUCTURE

Статья посвящена анализу принципа прямого действия Конституции Российской Федерации, его сущности; установлено соотношение терминов «действие», «прямое действие», «реализация», «правовое регулирование», «воздействие»; разработана структура действия Конституции РФ; сформулировано комплексное понятие прямого действия.

The article is devoted to the analysis of the principle of direct effect of the Constitution of the Russian Federation; terms “action”, “direct effect”, “implementation”, “the legal regulation”, “impact” are correlated to each other; the structure of the Constitution’s action is designed; a comprehensive concept of direct effect is formulated.

Принцип «прямого действия» впервые в истории отечественного конституционализма получил закрепление на высшем (конституционном) уровне в части первой статьи 15 Конституции Российской Федерации 1993 года [1].

Цель подобного закрепления заключается в обеспечении и гарантировании эффективности и стабильности Конституции как основного закона России.

Актуальность исследования данного конституционного принципа обусловлена отсутствием легального определения в тексте самой Конституции РФ, актов официального толкования Конституционным Судом РФ, а равно, недостижением единства в понимании и недостаточностью проведенного анализа его сущности в отечественной правовой науке.

Роль Конституции в политико-правовой жизни государства и общества, её назначение, задачи, «смешанная» (политико-правовая) природа наиболее концентрированное выражение и отражение получают в таком свойстве (принципе), как «прямое действие».

Конституции Российской Федерации 1993 года как нормативному правовому акту, занимающему вершину в иерархии российской правовой системы, присущ особый, *политико-правовой характер*. Политическая и правовая составляющие неразделимы в сущности основного закона страны, поскольку их соотношение есть не что иное, как философские категории «содержание и форма»: «по сути и содержанию конституция — ... документ и общества, и государства. Иначе говоря, конституция — политический документ»; «по форме конституция всегда документ государства, то есть это правовой акт» [2].

Содержание и форма не только существуют в единстве, но и взаимообуславливают друг друга [3]. В практическом смысле необходимо определить оптимальное соотношение между ними, в данном случае баланс политического и правового в сущности Конституции.

Политико-правовой характер Конституции определил и обусловил традиционное выделение в отечественной науке конституционного права безотносительно к пространству и времени трёх социальных функций Конституции как основно-

го закона страны: *политической, идеологической и юридической*. (Представленная триада в зависимости от приверженности авторов той или иной теории приобретает различные структурные элементы и вариативность содержания).

Функции Конституции — это «основные направления воздействия Конституции на общественные отношения, поведение и правосознание людей, мораль и культуру, в которых раскрываются её сущность и социальное назначение, которые обеспечивают связанность и эффективность действия всех элементов механизма конституционно-правового регулирования» [4].

Прямое действие есть свойство, присущее Конституции, следовательно, внутренняя структура рассматриваемого принципа также обусловлена характеристиками основного закона, испытывает на себе влияние всех её функций и включает в себя следующие элементы:

идеологический (или *социально-психологический, мировоззренческий*);
политический (или *социально-политический*);
правовой (или *специально-юридический*) элемент.

На практике эти элементы неразделимы, являются частями целого, взаимообусловлены и оказывают взаимное влияние. Их разделение возможно исключительно в гносеологическом плане.

Принципиальное значение для правильного понимания содержания конструкции прямого действия, отдельно каждого из перечисленных элементов его внутренней структуры, а также для построения его механизма имеет соотношение и разграничение между собой таких терминов, как «прямое действие», «действие», «реализация», «регулирование», «воздействие».

Неправильная или неточная трактовка понятий и терминов неизбежно ведёт к искажению в построении правовых институтов, что негативно отражается на эффективности не только конституционно-правового, но и отраслевого регулирования. В конечном счете, это может привести к дефектности и «порочности» правовой системы в целом и конкретных правоотношений в частности.

Целесообразно использовать выверенную философией, теорией права и практикой традиционную терминологию.

Понятие «действие» в его философском значении употребляется как «бытие», «функционирование» и т. п. В психологическом смысле действие — «процесс взаимодействия с каким-либо предметом, в котором достигается заранее определенная цель» [5].

В теории права отсутствует единый подход к пониманию сущности и содержания термина

«действие права». Для целей настоящего исследования следует различать два элемента в «действии права»:

1. «*Действие права*» как элемент правового регулирования, заключающийся в процессе и результате реализации норм права, то есть специально-юридическое действие права, осуществляемое посредством юридических средств.

«Действие права» является неотъемлемой стадией и элементом эффективного правового регулирования («осуществляемого при помощи системы правовых средств результативного, нормативно-организованного воздействия на общественные отношения с целью упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями» [6]).

В.С. Нерсисянц определяет статику и динамику права как взаимосвязанные, взаимообусловленные, дополняющие и предполагающие друг друга стадии единого процесса правового регулирования. «Чтобы право действовало как регулятор, оно должно быть установлено как регулятор» [7].

Специально-юридический элемент термина «действие права» предполагает отождествление действия права (нормы права) и *реализации права* (нормы права). Поскольку суть и назначение «действия права» определяется в рамках одного из аспектов правового регулирования, постольку «действие» есть и процесс воздействия на уже установленные общественные отношения, и конечный результат такого воздействия.

В содержание действия включается не только процессуальная сторона, но и *результат*, так как безрезультативным действие в смысле воздействия не может быть по своей природе. Результат у действия всегда есть вне зависимости от векторной направленности (отрицательный или положительный по отношению к изначально поставленной цели). «Действие» с нулевым результатом есть противоположная категория — «бездействие». Практический анализ нормативно-правового массива, а также функционирования современной правовой системы России указывает на то, что бездействие норм права и права в целом имеет место в случае, если в ней самой и обеспечивающем её функционирование механизме не заложены «стимулы», побудители социальной, в данном случае правовой активности, потенциально вызывающие последнюю у субъектов, придающих динамизм статическому существованию права, при наступлении конкретных юридических фактов.

Действие права всегда есть *динамическая система, процесс*. Само по себе, в силу внутренних свойств право не заработает, не станет регулятором общественных отношений. Действие права всегда связано с волевой деятельностью субъек-

тов, к которым обращена та или иная правовая норма. Во всех случаях внешней формой выражения действия права является юридическая деятельность. При этом под юридической деятельностью понимается «специфическая форма правомерного поведения, в рамках которого индивидуальные и коллективные субъекты используют предусмотренные правом возможности, исполняют обязанности, разрешают споры, применяют меры юридической ответственности» [8]. То есть юридическая деятельность есть не что иное, как *правореализационная деятельность*, осуществляемая в различных формах в зависимости от характера правовых предписаний.

Тождество терминов «действие» и «реализация» обосновано Л.В. Афанасьевой: «осуществление норм права, действие и реализация норм права обозначают одно и то же — фактическое претворение правовых предписаний и требований в деятельности, поведении соответствующих субъектов» [9]. При этом имеется в виду и процесс соответствующего воздействия, и его конечный результат.

2. *«Действие права» как процесс и результат воздействия с помощью иных, внеправовых средств*, определяющих социально-психологическое влияние на сознание, волю и поведение субъектов. Социально-психологическое действие права осуществляется главным образом путем формирования и влияния на правосознание.

Критика тождественности терминов «действие права» и «реализация права» укладывается в рамки данного подхода, то есть с точки зрения (через) термина «правовое воздействие». В качестве главного аргумента сторонниками используется следующее суждение: рассмотренный подход не позволяет всесторонне проанализировать динамическую природу права как находящегося в состоянии «перманентной эволюции» социокультурного явления. При этом в действие права как системную категорию в качестве элементов включаются различные виды юридической деятельности, в том числе и такие, которые, «не будучи непосредственно включенными в процесс реализации правовых предписаний, тем не менее, занимают важное место в механизме правового регулирования и оказывают серьезное влияние на приобретение правом социальной значимости, его становление в качестве публичной регулятивно-охранительной системы» [8].

По утверждению Д.А. Керимова, «действие права — это более широкое понятие, чем реализация правовых норм. В свою очередь, реализация правовых норм — это более высокая ступень действия права». Из этого суждения логически следует положение о соотношении «действия права» и «реализации норм права» как целого и

части, а также вывод о реализации как показателе эффективности или, как минимум, результативности действия права и его норм. Категория «действие права» выступает по отношению к «реализации права» как более содержательная, то есть охватывает своим содержанием как элементы правореализационного процесса, так и явления правовой действительности, не специфичные для реализации права [10].

В данном случае происходит социологизация термина «действие права» и сопутствующая ей недооценка специально-юридического аспекта, который ставится в подчиненное положение по отношению к факторам общественной жизни. Не учитывается их равнодействующее воздействие, «давление» друг на друга.

Переходя к непосредственному предмету настоящего исследования — действию Конституции РФ, а также её прямому действию в частности, отметим, что в теории права «действие права — это действие составляющих его разнообразных норм, которые в официальной форме выражены в различных нормативно-правовых и иных правоустановительных актах» [7, с.479]. Следовательно, допустимо в теоретическом плане сведение «действия права» на уровень «действия нормативного правового акта», а конкретно — Конституции РФ.

Конституции придается роль важнейшего правового регулятора. Поскольку выше модель действия права (правовых норм) была определена как неотъемлемая стадия правового регулирования, постольку при рассмотрении непосредственного действия (реализации) Конституции целесообразно обратиться к конституционно-правовому регулированию как одному из его видов. Следовательно, к нему как к части целого применимы выявленные закономерности общей теории права.

В науке выделяют следующие направления воздействия Конституции как особого регулятора общественных отношений: во-первых, по своей природе и сущности Конституция любого государства является актом политико-правового характера, основной закон отражает не только правовую, но и государственную модель страны. В этом выражается осуществляемое Конституцией идеологическое воздействие. Во-вторых, Конституция оказывает непосредственное регулирование особого круга общественных отношений, ограниченного определенными пределами. В-третьих, Конституция является основным, «первичным» источником отраслевого регулирования, в этом проявляется её опосредованное конституционное воздействие [11].

Исходя из этих позиций, строится модель действия Конституции. При этом каждому аспекту конституционного регулирования соответ-

ствует свой особый способ действия конституционных предписаний.

Часто «прямое действие» сводят к информационному воздействию основного закона на сознание граждан [12]. При данном подходе за его рамками остается практическая сторона регулятивного воздействия Конституции на общественные отношения, характеризующаяся термином «действительность» конституционных предписаний. Ряд отечественных конституционалистов связывают данный термин только с применением норм судами общей юрисдикции. Ю.И. Гревцов признает возможность судебного применения основным критерием для определения формы действия норм Конституции [13]. Недостаток этого подхода в его чрезмерной субъективности и узости. Ю.А. Тихомиров сводит прямое действие Конституции к статической стороне, связывая её с моментом вступления в силу [11, с.133]. С.Н. Братусь прямое действие Конституции ставит в зависимость от соблюдения законности [14]. Эти позиции представляются односторонними и спорными и не соотносятся со сформулированными выше выводами.

С.А. Авакьян выделяет три аспекта в правовой конструкции прямого действия конституционных норм [15]:

1. Конституция закрепляет тот строй общественных отношений, который существует (должен существовать) в стране, т.е. прямое действие состоит в оценке её общего влияния на политическую, экономическую и социальную структуры жизни в обществе и государстве.

В этом случае воздействие права (в том числе через правосознание), главным образом, направлено на законодателя. Он не может принять закон, сужающий сферу правового регулирования, установленную в Конституции РФ. А также в данном смысле, конституционно-правовые нормы становятся критерием деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

2. Прямое действие отдельных положений как основы определенных видов общественных отношений.

3. Связь с «духом и смыслом Конституции». Этот аспект связан с толкованием конституционно-правовых норм и наиболее актуален для Конституционного Суда РФ как единственного специального органа, компетентного осуществлять официальное толкование норм основного закона РФ.

Представляется спорным утверждение С.А. Авакьяна о том, что «прямое действие Конституции требует принятия нормативных актов, необходимых для полной реализации конституционных положений» [15]. Прямое действие имеет место только в случае, если эти нормативные

акты не будут опосредующими и конкретизирующими конституционные положения, а установят механизмы действия.

Ракурс рассмотрения «прямого действия Конституции» коренным образом не менялся три десятилетия (начиная с советского периода) и его традиционное содержание заключается в следующем: все нормы Конституции РФ применяются непосредственно всеми субъектами, даже в случае прямого указания в самой Конституции на необходимость принятия соответствующих нормативных правовых актов (например, федерального закона, федерального конституционного закона). Наибольший резонанс в рамках названного аспекта получила полемика о судебной защите конституционных прав и свобод человека и гражданина как одной из форм проявления прямого действия Конституции РФ.

Предлагается следующая модель соотношения «действия» и «прямого действия» Конституции РФ, а также их внутренних структурных элементов между собой.

1. Юридический элемент действия Конституции РФ.

Его содержание обусловлено назначением и ролью Конституции как важнейшего правового регулятора.

Специально-юридическое действие Конституции РФ осуществляется посредством правореализационных средств.

Сущность действия Конституции как нормативного правового акта (как совокупности правовых норм) заключается в регулятивном воздействии на общественные отношения путем придания им правовых форм (правоотношений).

Действие Конституции есть её эффективная реализация. Но в отличие от реализации, включающей в себя процесс и результат, в действии на первом по значимости месте находится результат. Причем применительно к Конституции важна векторная направленность результата действия той или иной нормы по отношению к целям и задачам, которые ставятся перед Конституцией как основным законом государства.

Действие Конституции в целом, а, следовательно, и его юридическая составляющая как часть целого, являются частью такого более широкого понятия, как «воздействие».

Среди направлений воздействия Конституции как особого регулятора общественных отношений выделяют следующие: Конституция оказывает непосредственное регулирование особого круга общественных отношений, ограниченного определенными пределами; Конституция является основным, «первичным» источником отраслевого регулирования [11, с.242].

Названные направления воздействия наглядно демонстрируют уровни юридического дей-

ствия Конституции РФ как нормативного правового акта:

- первому направлению соответствует непосредственное (прямое) действие Конституции;
- во втором получает выражение опосредованное действие (реализация) конституционных предписаний. Конституция не может и не преследует цели урегулировать все общественные отношения.

Прямое (юридическое) действие не является универсальным и безусловным. В систему условий, необходимых для непосредственной реализации конституционных норм, входят: а) **предмет** правового регулирования (*объективные и субъективные пределы*); б) **специальный субъект** реализации конституционно-правовой нормы (*субъектный критерий*); в) **механизм реализации** конституционных предписаний (*процедурно-процессуальный критерий*).

Ниже приведен краткий анализ названных условий на примере прямого действия норм главы 2 Конституции РФ:

- по предмету правового регулирования: Конституция не призвана урегулировать все отношения, участниками которых являются граждане. Назначение норм главы 2 Конституции — установить рамки, очертить пределы общей и отраслевой правосубъектности граждан; гарантировать гражданам как невластным субъектам сохранение границ их правосубъектности в установленных Конституцией пределах при осуществлении правоприменительной деятельности властными субъектами в отношении граждан как непосредственно, так и косвенно. Нормы главы 2 Конституции есть гарантия обеспечения стабильности правового статуса граждан в конституционных пределах.

- по субъектному критерию: граждане самостоятельно, без воли и участия государства в лице его органов и должностных лиц, не имеют легальной возможности непосредственно реализовать нормы Конституции (исключение, в форме соблюдения), включая определяющие их конституционно-правовой статус. Граждане как субъекты реализации норм Конституции не отвечают признакам, присущим субъектам непосредственной реализации:

- во-первых, *идентификация* специальных субъектов, наделенных полномочиями по непосредственной реализации конституционных норм, в тексте Конституции РФ посредством закрепления адресных норм (прямо поименованы);

- во-вторых, *властный* характер полномочий;

- в-третьих, *особый характер* властных полномочий (проявляется ограниченность по предмету правового регулирования).

Таким образом, *прямое действие Конституции РФ* (в специально-юридическом смысле)

— это непосредственная реализация конституционно-правовых норм, представляющая собой процесс и результат деятельности властных субъектов, уполномоченных и обязанных на то самой Конституцией, посредством применения, исполнения и использования ими конституционных предписаний, входящих в предмет конституционно-правового регулирования, ограниченного объективными и субъективными пределами.

II. Социально-психологический (мировоззренческий, идеологический) элемент действия Конституции РФ.

В данном аспекте получает проявление не нормативная, правовая составляющая Конституции как регулятора общественных отношений, а социально-политическая характеристика Конституции как документа общества.

Конституция безотносительна к субъектному составу, *обращена ко всем и каждому*. Действие Конституции здесь не ограничено и предметными пределами: поведение субъектов всего многообразия общественных отношений, включая правоотношения, должно соответствовать Конституции, осуществляться в её рамках, на её основе.

Социально-психологическое действие осуществляется внеправовыми средствами. Происходит воздействие не конкретной нормы на те или иные отношения посредством правореализационной деятельности, а «духа» Конституции через воздействие на правосознание субъектов.

Объектом воздействия в рамках данного элемента становятся не конкретные правоотношения, а сознание и поведение людей.

Воздействие на сознание всегда непосредственное. Весьма условно можно отметить опосредованность в действии Конституции на поведение людей (опосредовано сознанием).

Таким образом, всякое идеологическое действие Конституции является прямым и представляет собой *реальное воздействие «духа» Конституции на поведение субъектов, осуществляемое через их правосознание*.

В данном смысле критерием реальности (эффективности), а не декларативности прямого действия является *совпадение целей, заложенных в Конституции, с достигнутым результатом такого воздействия*.

III. Политический элемент действия Конституции РФ.

В структуре действия Конституции данный элемент является промежуточным по отношению к двум рассмотренным, что обусловлено сложностью и своеобразием политических отношений.

Политическое действие Конституции есть её воздействие на поведение субъектов и обще-

ственные отношения, осуществляемое внеправовыми средствами, в дальнейшем могущими принимать или вынужденными существовать в правовых формах.

Воздействие также является всегда непосредственным и осуществляется через правосознание. Однако сфера действия Конституции как политического документа ограничена пределами (не все общественные отношения, а только политические); субъектный состав шире, чем при юридическом действии, но ограничен, в отличие от идеологического (субъект испытывает на себе политическое действие Конституции, будучи вовлеченным в политические отношения, в том числе косвенно).

Таким образом, «прямое действие Конституции Российской Федерации» представляет собой комплексное явление, включающее в себя взаимосвязанные элементы, обусловленные политико-правовым характером Конституции как основного закона государства и общества. Определяющим в сущности «прямого действия» является конечный результат воздействия как критерий эффективности Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками от 30.12.2008 г.) // Рос. газ. — 2009. — 21 янв.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма; Инфра-М, 2010. — Т.1. — 864 с.
3. Кальной И.И., Сандулов Ю. А. Философия для аспирантов: учебник / под ред. И.И.

Кальной. — 3-е изд., стер. — СПб.: Лань, 2003. — 512 с.

4. Петрова А.В. Основные функции Конституции Российской Федерации (Вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. — М., 2004. — 232 с.

5. Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В. Новейший психологический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2009. — 816 с.

6. Алексеев С.С. Теория права. — М.: БЕК, 1995. — 320 с.

7. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. академика РАН, д. ю. и., проф. В. С. Нерсисянца. — М.: Норма, 2004. — 832 с.

8. Дедюхин В.В. Действие права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 — СПб., 2002. — 21 с.

9. Афанасьева Л. В. Нормы права и их действие: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2000.

10. Гойман В. И. Действие права (Методологический анализ): монография. — М., 1992.

11. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. — М.: Формула права, 2010. — 400 с.

12. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции? // Журнал российского права. — 1998. — № 6. — С. 94.

13. Гревцов Ю.И. Правовые отношения и осуществление права. — Л., 1987. — С.61.

14. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. (Очерк теории). — М.: Юрид. лит., 1976. — С. 68.

15. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. — 2-е изд. — М., 2000. — С. 233—234.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Карташова Инна Игоревна. Аспирант кафедры конституционного права России и зарубежных стран.

Воронежский государственный университет.

E-mail: kartashova.inna36@gmail.com

Россия, 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10а.

Kartashova Inna Igorevna. Post-graduate student of chair of constitutional law in Russia and foreign countries.

Voronezh State University.

Work address: Russia, 394000, Voronezh, Lenin Sq., 10 a.

Ключевые слова: действие права; Конституция Российской Федерации; прямое действие; правовое регулирование; воздействие; реализация.

Key words: action of law; the Constitution of the Russian Federation; direct effect; regulation; impact; implementation.

УДК 342.4

Н.А. Гаврилова,
Новоусманский районный суд
Воронежской области

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ О ПРЕДНАМЕРЕННЫХ БАНКРОТСТВАХ

PROCEDURAL TACTICAL PECULIARITIES OF THE EXECUTION OF INTERROGATION DURING THE INVESTIGATION OF PREMEDITATED BANKRUPTCY

Статья содержит описание процессуальных и тактических особенностей производства допроса профессиональными участниками со стороны обвинения при раскрытии и расследовании преднамеренных банкротств. Выделены особенности производства допроса в зависимости от того, в конфликтной или бесконфликтной ситуации он протекает, а также определены особенности допроса лиц, занимающих различное процессуальное положение.

This article contains the description of procedural and tactical peculiarities of the execution of interrogation by the professional participants of the prosecution during the revelation and investigation of premeditated bankruptcy. The article points out the peculiarities of the execution of interrogation depending on whether it proceeds in a conflict or conflict-free situation, and it also characterizes the peculiarities of the examination of the persons holding different procedural positions.

Допрос — это следственное действие, присущее раскрытию и расследованию любого преступления. В рамках дела по факту преднамеренного банкротства он зачастую используется для проверки сведений, полученных в ходе проведения таких следственных действий, как осмотр, выемка, производство экспертиз, а его эффективное ведение требует от субъекта расследования высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания психологии человека, мастерского владения тактико-криминалистическими приёмами.

Допрос в процессе раскрытия и расследования преднамеренного банкротства содержит в себе психологическое воздействие сторон друг на друга, пределы которого ограничиваются процессуальными нормами, регламентирующими производство рассматриваемого следственного действия.

«При производстве допроса следователь вступает с допрашиваемым в определённые пси-

хологические отношения», которые «основаны на двух принципах — психологическом контакте и психологической борьбе» [1].

Тактические особенности допроса каждого физического лица включают индивидуализированный подход, сформированный на основании совокупности сведений о личности допрашиваемого, уровне его знаний и подготовки в области банкротства, а также с учётом его возможностей противодействия расследованию. При этом успешное производство данного следственного действия (получение правдивых показаний) находится в прямой зависимости от тактически грамотного установления субъектом расследования психологического контакта с допрашиваемым лицом. Иными словами следователю необходимо создать такую обстановку, в которой у допрашиваемого возникнет чувство уважения к субъекту расследования, в которой он проникнется пони-

манием задач и обязанностей следователя и осознает необходимость в оказании содействия следствию посредством дачи показаний.

Успех допроса зависит от того, насколько полно следователь учтёт и использует для установления психологического контакта особенности личности допрашиваемого его психики, культурного и образовательного уровня, профессии, мировоззрения [3]. Так, следователю необходимо изучить наклонности, связи, увлечения допрашиваемого, его морально-волевые качества и психологические особенности.

При подготовке к производству данного следственного действия участник со стороны обвинения должен определить круг обстоятельств, в отношении которых предстоит получить показания, поскольку предмет допроса по делу о преднамеренном банкротстве требует наличия специальных познаний, которые могут быть восполнены путём, например, предварительной консультации со специалистом. При отсутствии у следователя четкого представления об этих обстоятельствах допрос лишится целеустремленности и повлечёт получение ненужной информации.

Учитывая, что сведения, относящиеся к предмету допроса, носят специальный характер, лицу, осуществляющему уголовное преследование, необходимо ознакомиться с большим объёмом нормативных актов, специальной литературой, технологическими процессами, порядком ведения документооборота в организации, системой учёта и отчетности и т.д. Принимая во внимание сложность расследования данного вида преступления, при подготовке к допросу следователю необходимо составлять детальный план осуществления рассматриваемого следственного действия, который предотвратит производство повторных допросов как результат забывчивости субъекта расследования по выяснению вопросов, имеющих существенное значение для расследования.

Следует согласиться с позицией О.Я. Баева, что тактика допроса в основном определяется исходя из «отношения допрашиваемого к искомой следователем информации, а также ... того, как это отношение на каждом этапе допроса представляется следователю» [2].

При производстве допроса субъект расследования свободен в избрании его тактики. Однако её особенности обусловлены процессуальным статусом допрашиваемого, а также тем, в конфликтной или безконфликтной ситуации протекает допрос.

Безконфликтная ситуация сопровождается совпадением интересов субъекта расследования и допрашиваемого, в связи с чем допрос не вызывает у следователя особых трудностей. Основная задача участника допроса со стороны обвинения в такой ситуации — не спровоцировать своими действиями

конфликт с допрашиваемым, поскольку таковой может привести к нарушению порядка проведения допроса, вызвать нервный срыв у допрашиваемого и, как следствие, повлечь отказ от дачи показаний. Следователь должен быть тактичен, внимателен, уважителен к допрашиваемому лицу, не допускать не относящихся к предмету допроса разговоров с коллегами и по телефону.

В свою очередь, допрос в конфликтной ситуации представляет собой противодействие сторон и требует от следователя реализации множества тактических приёмов, направленных на оказание воздействия на допрашиваемое лицо с целью получения правдивых показаний (об известных лицу обстоятельствах, но скрываемых или умышленно искажаемых).

Избирая тактику проведения данного следственного действия, необходимо учитывать, что в раскрытии преднамеренного банкротства следователю противостоят лица, достаточно хорошо осведомленные, уверенные в себе, обладающие специальными познаниями в области существа расследования, поэтому надеяться на их раскаяние и полное признание ими вины явно нецелесообразно. Поэтому в процессе осуществления данного следственного действия лицо, осуществляющее уголовное преследование, должно быть активно, а не выступать простым регистратором сообщенной ему информации.

Преступники готовятся к совершению преднамеренного банкротства и предпринимают попытки к сокрытию следов. Соответственно, они готовы и к защите от уголовного преследования. При допросе злоумышленники видят в следователе своего процессуального противника и не заинтересованы в сообщении ему определённых данных, в связи с чем психологическая борьба так или иначе присуща допросу обвиняемого (подозреваемого) по факту преднамеренного банкротства и состоит в наличии у субъекта расследования и допрашиваемого противоположных целей и интересов, что в свою очередь приводит к противодействию и зачастую к возникновению конфликтов.

В большинстве случаев при допросе подозреваемые (обвиняемые) по факту преднамеренного банкротства избирают весьма изощрённую тактику поведения: они, как правило, не отказываются от дачи показаний, а отрицают свою причастность к совершению преступления либо не отрицают очевидных фактов и признают их, тем самым пытаясь предупредить раздражение со стороны следователя, его стремление к поиску дополнительной доказательственной информации, стараются вызвать доверие и расположение к себе со стороны субъекта расследования с целью создания условий для последующего введения его в заблуждение. Злоумышленники весьма расчётливы в своих действиях и даже в случае признания какого-либо обстоя-

тельства скрывают значительное количество иных обстоятельств, имеющих значение для дела. В результате такого поведения механизм преступной деятельности в полном объеме не раскрывается, часть связей в преступной цепочке не выявляется, установленный размер ущерба, причинённого преступлением, оказывается гораздо меньше фактического.

При этом в процессе расследования нередко складывается ситуация, обусловленная недостаточностью доказательств для изобличения субъекта преступного посягательства, которая выступает предпосылкой производства допроса подозреваемого (обвиняемого) в так называемой «конфликтной ситуации».

В случае противодействия расследованию следователю имеет смысл использовать приём «моральное стимулирование», т.е. разъяснить допрашиваемому предусмотренные уголовно-процессуальным законом обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность, в частности такие из них, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, а также продемонстрировать конкретный случай судебной практики, где судом принято во внимание такое поведение при назначении наказания.

Если в распоряжении субъекта, осуществляющего предварительное расследование, имеются доказательства, подтверждающие виновность допрашиваемого, а подозреваемый (обвиняемый) даёт показания, в которых отрицает свою причастность к совершенному преступлению, следователю не нужно форсировать события, а необходимо терпеливо выслушать даваемые показания, а лишь затем продолжить допрос, применяя тактические приёмы, направленные на побуждение допрашиваемого к даче правдивых показаний.

В такой ситуации может быть применён приём «предъявления доказательств», предшествовать которому должен допрос об обстоятельствах, связанных с каждым из доказательств, которые намеревается предъявить следователь. Последовательность их предъявления может быть различной. Однако, если подозреваемый в своих показаниях уменьшает степень и роль своего участия в преступном посягательстве, целесообразно начать с предъявления косвенных доказательств, постепенно переходя к более веским.

Стимулом для дачи правдивых показаний может выступить первоначальное предъявление доказательства, не столь значимого для расследования, но которое создаст у допрашиваемого впечатление о полной осведомлённости следователя о совершенном преступлении.

Иногда допрашиваемый переоценивает значение того или иного доказательства, отдаёт ему преимущественное значение. Так, если сообщить об обнаружении в результате обыска черновых записей, саморасчётов допрашиваемого, это может повлечь дачу им показаний.

Чтобы продемонстрировать свою уверенность, следователю необходимо на стадии подготовки к допросу сделать в материалах уголовного дела необходимые закладки на листах, содержащих подлежащие применению доказательства.

Вместе с тем, готовясь к применению такого приёма, следователю необходимо иметь в своём распоряжении для его успешной реализации как можно больше доказательственной информации. Поэтому предшествовать его применению должны следственные действия, направленные на сбор дополнительных доказательств: выемки, обыски, производство необходимых экспертиз.

При производстве допроса по делу о преднамеренном банкротстве можно обыграть ситуацию, свидетельствующую о полном объеме собранных доказательств, в рамках которой на столе следователя и в иных местах кабинета раскладываются предметы, документация с целью зрительно-психологического воздействия на допрашиваемого. При этом всё должно быть детально организовано и подтверждать намерение о предъявлении этих объектов в ходе допроса.

Попытаться пресечь дачу ложных показаний подозреваемым (обвиняемым) можно, реализовав совместно такие приёмы, как «предъявление доказательств» и «моральное стимулирование».

При осуществлении уголовного преследования по делу о преднамеренном банкротстве примерная схема допроса подозреваемого (обвиняемого) включает в себя выяснение и занесение в протокол следственного действия ответов на такие вопросы, как:

- каковы основания и порядок образования кредиторской задолженности;
- существовала ли возможность погашения задолженности, имелась ли дебиторская задолженность, ликвидное имущество;
- каким способом, в какие сроки и с помощью каких средств намеревались погасить кредиторскую задолженность на первоначальном этапе её образования и в последующем;
- являются ли его родственники руководителями, учредителями других предприятий;
- кем подписывалась бухгалтерская и налоговая отчётность;
- в каких банковских организациях открыты счета предприятия;
- открыты ли личные счета (в каких учреждениях);
- кем и при каких обстоятельствах подписывались документы, фиксирующие отчуждение

имущества, каким образом производилась его фактическая передача;

- какова необходимость и обоснованность совершения сделок, спровоцировавших возникновение признаков банкротства;

- имеется ли информация, свидетельствующая о том, что имущество было вывезено;

- ожидаемые и фактические результаты совершения таких сделок;

- имело ли место до этого момента или после совершения подобных сделок и их последствия;

- по какому принципу избирались способы для оплаты реализованных ценностей, кто выступал инициатором того или иного способа, существовала ли альтернатива в выборе другого варианта оплаты;

- временные рамки отношений с субъектом, ставшим обладателем имущества;

- кто выступил инициатором отношений и при каких обстоятельствах;

- известно ли допрашиваемому лицу содержание актов налоговых проверок (камеральных, выездных), судебных решений, документов федеральной службы судебных приставов и у кого в компетенции находятся полномочия по доведению такой информации до сведения;

- при наличии фактов расчётов с другими кредиторами на каком основании были избраны именно эти кредиторы.

Желательно, чтобы допросу указанных лиц предшествовала выемка и ознакомление следователя с хозяйственно-финансовой документацией должника. Данные мероприятия способствуют наиболее эффективному проведению данного следственного действия, поскольку позволяют следователю лучше ориентироваться в обстоятельствах, подлежащих доказыванию, формулировать различным образом вопросы, выявлять несогласованность в показаниях допрашиваемого.

При производстве допроса в рамках расследования преднамеренного банкротства субъектом со стороны обвинения может быть использован такой тактический приём, как провоцирование конфликта между соучастниками преступления с целью получения от них правдивых показаний посредством преподнесения допрашиваемому лицу информации, добытой оперативным путём, как сведений, сообщённых другим участником преступной деятельности.

При раскрытии и расследовании преднамеренного банкротства большое значение имеет установление и своевременный допрос свидетелей. Первоначально подлежат допросу материально ответственные работники, уволенные с предприятия; кредиторы, не имеющие заинтересованности в банкротстве организации; сотрудники, проводившие проверку юридического лица.

Кроме того необходимо осуществить:

- допросы работников предприятия с выяснением таких обстоятельств, как: кем осуществлялся их приём на работу; кто определял их обязанности, осуществлял руководство их деятельностью; кто поручал производство расследуемых операций; имели ли место недовольства контрагентов (в чём они заключались); чем, по их мнению, обусловлен факт образования или увеличения неплатежеспособности.

- допросы физических лиц, представителей предприятий и органов государственной власти, которым причинён ущерб, с целью выяснения момента и оснований возникновения задолженности, предпринимаемых способов её взыскания, формы и размера причинённого ущерба, какая документация оформлялась.

Избирая тактику производства рассматриваемого следственного действия, органу предварительного расследования необходимо проанализировать перечень подлежащих выяснению вопросов. Так, если в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого) или свидетелей нужно установить обстоятельства по нескольким преступлениям, выяснить информацию, требующую таких специальных экономических познаний, которые посредством консультации со специалистом субъект расследования приобрести не может, либо если допрашиваемое лицо обладает высоким уровнем специальной подготовки, в производстве допроса необходимо обеспечить участие соответствующего специалиста.

При допросе свидетеля следователь также может прибегнуть к использованию такого тактического приёма, как «предъявление доказательств». Так, если необходимо установить, например, дату подписания какого-то документа, а свидетель, по мнению следователя, добросовестно заблуждается, давая показания, необходимо для повышения вероятности воспоминания событий предъявить ему вещественное доказательство или документ. Однако необходимо учитывать, что при предъявлении доказательств предмет допроса сужается, поэтому целесообразно реализовывать такой приём не на первом, а на последующих специально отведённых для этого допросах. При даче свидетелем ложных показаний стороне обвинения также целесообразно прибегнуть к использованию такого приёма, так как он (уличение лица во лжи, указание на его ненадлежащее поведение) повлечёт усиление эмоциональной напряжённости и создаст благоприятную атмосферу для дачи правдивых показаний.

Дачу ложных показаний субъект расследования может предотвратить продемонстрировав свою осведомлённость о причинах противодействия расследованию со стороны допрашиваемого.

Нередки случаи, когда в процессе раскрытия и расследования преднамеренного банкротства на свидетеля оказывается воздействие (он может быть запуган), из-за которого он не сотрудничает

со следствием. В такой ситуации с целью получения значимых сведений лицу, осуществляющему уголовное преследование, нужно установить со свидетелем доверительные отношения и договориться с ним об обмене информацией, касающейся случаев такого воздействия, а также высказать намерение защитить свидетеля от различных форм воздействия.

В процессе раскрытия и расследования рассматриваемого преступного посягательства применим тактический приём, именуемый «обнажённая демонстрация», в рамках которого следователю надлежит приводить положительные качества допрашиваемого лица, указав на неразумность договорённости, существующей между ним и лицами, оказывающими противодействие расследованию. В тактическом аспекте при реализации данного приёма также имеет большое значение демонстрирование субъектом расследования своего знания о подробностях совершения преступления, в процессе которого свидетелю может быть обозначена возможность его привлечения к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний.

Так, проанализировав психическое состояние допрашиваемого, обусловленное совершением преступления и начавшимся расследованием, следователю необходимо создать ситуацию, в которой преступники и связанные с ними лица восприняли бы в увеличенном объёме имеющуюся в распоряжении субъекта расследования информацию. Формирование убеждённости у допрашиваемого лица о значительной осведомлённости следователя может вызвать чувство бесполезности в противодействии расследованию. Однако, реализуя данный приём, недопустимо прибегать к обману. Необходимо дезориентировать допрашиваемого (ввести в заблуждение) законными средствами психологического воздействия. В этом вопросе следует согласиться с А.Р. Ратиновым, который к условиям правомерности и допустимости тактических приёмов относил: законность, познавательную эффективность (направленность приёма на установление истины), избирательность воздействия (приём должен давать эффект лишь в отношении виновных лиц и быть нейтральным по отношению к другим допрашиваемым), соответствие профессиональной этике и морали [4]. Психологические приёмы допроса должны производиться, не нарушая процессуальный порядок осуществления следственного действия.

При раскрытии и расследовании данного состава в целях формирования психологического напряжения у противодействующего расследованию субъекта может быть реализован приём последовательного, ступенчатого вызова для допроса (дачи объяснения) материально ответственных лиц, находящихся в подчинении у до-

прашиваемого лица. При его осуществлении лицо, на которое направлено применение данного приёма, должно видеть, кто и в каком порядке вызывается субъектом расследования, но не иметь возможности общения с вызываемыми лицами. Данный тактический манёвр так или иначе вызовет опасение в отношении объёма сведений, полученных субъектом расследования в процессе допроса его подчинённых.

Наибольшие сложности в процессе раскрытия и расследования преднамеренного банкротства представляет ситуация, когда подозреваемый (обвиняемый) при производстве допроса не дает показаний. В таком случае для установления истины следователю, рассчитывая на то, что допрашиваемый с целью оправдания и снятия с себя лишних обвинений перейдёт к даче показаний, необходимо применить психологическое воздействие, начав поочередно вменять ему в вину действия, совершённые его сообщником. Здесь же можно прибегнуть к приёму «сгущения красок», в рамках которого обозначить максимально предусмотренные уголовным законом санкции за весь объём вменяемых действий. Такое поведение стороны обвинения, как правило, стимулирует преступника к самооправданию.

Однако в применении психологического воздействия субъект расследования должен быть весьма осторожен, так как различные типы личности по-разному воспринимают такое воздействие и оно может вызвать обратную реакцию либо агрессию со стороны допрашиваемого лица.

Чтобы обеспечить эффективность допроса, следователь должен воздействовать на допрашиваемого грамотно и гибко [5].

Уголовно-процессуальный закон [6] разрешает производить допрос подозреваемого (обвиняемого), не содержащегося под стражей, по месту его жительства, работы или в ином месте (ч. 1 ст. 187 УПК РФ). При расследовании преднамеренного банкротства допрос указанного лица можно осуществить в месте производства таких следственных действий, как обыск, выемка или осмотр, если эти действия проводятся при участии подозреваемого (обвиняемого). Такое решение позволит проверить полученные доказательства посредством показаний.

Субъект расследования свободен при производстве допроса. Законодательство запрещает задавать лишь наводящие вопросы. При предъявлении в ходе осуществления данного следственного действия допрашиваемому вещественных доказательств, документов, оглашения протоколов иных следственных действий, воспроизводстве видео-, аудиозаписей, киносъёмки такой факт должен найти отражение в протоколе допроса. При этом в протоколе допроса также должны быть зафиксиро-

ваны показания, данные допрашиваемым при осуществлении таких действий.

В результате допрос может выступить источником получения ранее не известных сведений, а также дать возможность повторно запро-токолировать ранее полученную доказательственную информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. — М.: Юрлитинформ, 2002. — С. 79—80.

2. Руководство для следователей. — М.: ИНФРА-Норма, 1998. — С. 320.

3. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. — Воронеж: МЛДЭК, 1995. — С. 97.

4. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. — М.: Юрлитинформ, 2001. — С. 195—206.

5. Еникеев М.П. Юридическая психология. — М., 1999. — С. 305.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — №52 (ч. I). — Ст. 4921.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гаврилова Наталья Александровна. Помощник судьи.
Новоусманский районный суд Воронежской области.
E-mail: gavrilova-5418@mail.ru
Россия, 396310, Воронежская область, Новоусманский район, с. Новая Усмань, ул. Авдеева, д. 9.
Тел. (47341) 5-46-69.

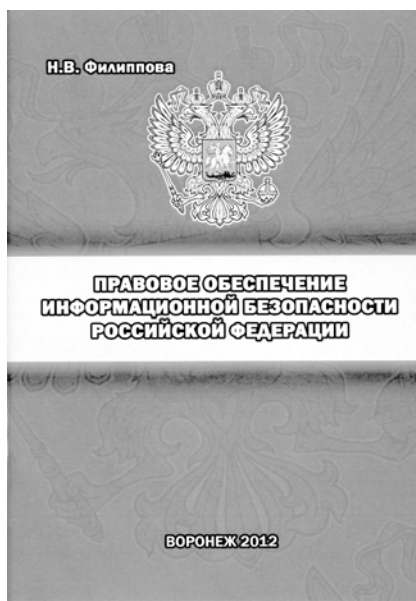
Gavrilova Natalia Alexandrovna. Assistant judge.
Novaya Usman District Court, Voronezh region.
Work address: Russia, 396310, Voronezh region, Novaya Usman, Avdeyev Str., 9. Tel. (47341) 5-46-69.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство; допрос; сторона обвинения; следователь; тактические и процессуальные особенности; тактический приём.

Key words: premeditated bankruptcy; interrogation; prosecution; investigator; procedural and tactical peculiarities; tactical method.

УДК 343.11

ИЗДАНИЯ ВОРОНЕЖСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Филиппова Н.В. Правовое обеспечение информационной безопасности Российской Федерации: учебное пособие. — Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2012. — 91 с.

В учебном пособии изложены основные положения правового обеспечения информационной безопасности РФ: определены содержание организационного и правового обеспечения информационной безопасности, место информационной безопасности в системе национальной безопасности РФ, приведены основные положения законодательства в области обеспечения информационной безопасности РФ. Рассмотрены вопросы правового регулирования защиты государственной тайны, конфиденциальной информации, информационной безопасности в сфере интеллектуальной собственности, а также юридической ответственности за нарушение правовых норм в области информационной безопасности.

Учебное пособие предназначено для курсантов и студентов, а также специалистов по защите информации.